

Юлия Барлова

Помогать нельзя
наказывать,
терпеть нельзя
просить?

Бедность и помощь
нуждающимся
в социокультурном
пространстве Англии
Нового времени

Pax Britannica

Юлия Барлова

**Помогать нельзя наказывать,
терпеть нельзя просить? Бедность
и помощь нуждающимся в
социокультурном пространстве
Англии Нового времени**

«Алетейя»

2018

УДК 94(410)"16/18"
ББК 63.3(4Вел)5-28

Барлова Ю. Е.

Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени / Ю. Е. Барлова — «Алетейя», 2018 — (Рак Britannica)

ISBN 978-5-907030-74-9

Монография приоткрывает для читателя интересную и малоизученную страницу истории Нового времени, связанную с восприятием бедности и социальной помощи в Англии, ставшей родоначальницей основных и общепризнанных принципов социальной политики. Впервые проанализированы и переведены на русский язык сочинения о бедности таких мыслителей, как Иеремия Бентам, Фредерик Мортон Иден, Джонас Хенуэй; читателю предоставлена возможность взглянуть на бедность глазами английских художников и карикатуристов Нового времени, познакомиться с популярными сочинениями-наставлениями для бедняков, с рецептами «экономного потребления» как средством выхода из нужды. В отечественный научный оборот впервые вводится такой вид источников, как письма-прошения пауперов о социальной помощи. Анализируя законодательство о бедных, практики «открытого» и «закрытого» социального призрения, общественно-политические дебаты о бедности, материалы художественной и массовой культуры, автор пытается выяснить, как в английском обществе отвечали на вопрос: помогать нуждающимся или же наказывать их за нужду; терпеть беднякам свою печальную участь или же не стесняться просить о помощи. Монография представляет интерес как для студентов, аспирантов и преподавателей общественных дисциплин, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(410)"16/18"
ББК 63.3(4Вел)5-28

ISBN 978-5-907030-74-9

© Барлова Ю. Е., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1	19
Социальная структура английского общества в новое время	19
Английская система социальной помощи в XVIII – первой половине XIX вв.: законодательство, практики и нарративы	24
«Новое как изменённое старое»: работные дома в истории английской социальной политики	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юлия Барлова

Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А.Б. Соколов* доктор исторических наук, профессор *С.Е. Федоров*

В оформлении обложки использована картина Уильяма Бичи «Портрет детей сэра Френсиса Форда, дающих монетку нищему мальчику», 1793

© Ю.Е. Барлова, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Предисловие

Когда в далеком 2007 году я начала изучать историю бедности и отношения к этому явлению, многие высказывали сомнение в актуальности избранной темы: *зачем изучать то, от чего мы, слава богу, ушли?* Экономика нашей страны, действительно, в то время была на подъеме, «лихие 90-е» казались канувшим в лету кошмаром, все большее число людей могли себе позволить то, что раньше казалось им роскошью: автомобили, поездки за границу, дорогие предметы быта, «фирменная» одежда...

По мере того, как я работала над этой темой, ситуация менялась, и сегодня бедность, нищета, отношение к этим явлениям, как и к тем, кто столкнулся с ними, помощь нуждающимся со стороны общества и государства – крайне актуальные, злободневные и болезненные вопросы. Опрос, проведенный в мае 2017 года социологами ВЦИОМ среди 1600 человек в 46 регионах России, показал, что почти 40 % респондентов испытывают нехватку средств на еду или одежду, 41 % считает затруднительной покупку крупной бытовой техники и мебели. Позволить себе большее сегодня могут, по мнению опрошенных, 17 % россиян. Разрыв между богатыми и бедными, по многим оценкам, продолжает увеличиваться, как и численность населения, живущего в бедности. Все это вызывает у людей беспокойство и тревогу, рождает социальное недовольство, ведь уже никем не оспаривается тот факт, что страх остаться без средств к существованию входит в «тройку» самых сильных страхов человека наряду со страхом смерти и одиночества.

Вместе с тем, проблема имеет еще одну сторону, о которой социологи и экономисты вспоминают не всегда: очень часто бедность означает *«ощущение себя бедным»* – когда человек, не испытывая крайней нужды, сталкивается, тем не менее, с невозможностью поддерживать «приличный», как ему видится, уровень жизни, придерживаться тех стандартов потребления и быта, которые *«приняты»* в его социокультурной среде. Именно этот фактор порой играет критическую роль, когда ребенку из небогатой семьи покупают гаджет, стоимость которого превышает месячный заработок родителей, когда люди берут неподъемные кредиты, чтобы в восприятии других соответствовать определенному уровню жизни.

К сожалению, эта деформация в психологии – одно из неизбежных последствий развития «общества потребления», хотя и при экономике социализма многие были готовы «все отдать» за такие символы богатства, как дача, автомобиль, гараж и т. п. Два сильных чувства – *страх* оказаться в «разрушительной и катастрофической» бедности и *социальный стыд* за свое плачевное и угнетенное состояние – определяют, таким образом, жизнь и поведение человека, изо всех сил карабкающегося по карьерной, экономической и социальной лестнице.

Таким образом, при изучении бедности очень важно не упустить такой компонент, как изучение *отношения* к этому явлению, *восприятия* его как теми, кто беден (или считает себя таковым), так и теми, для кого это явление – нечто из «параллельной реальности».

Отношение к бедности состоит из нескольких «ступеней». Это, во-первых, отношение к самим понятиям «бедность» и «богатство»; во-вторых, это отношение к причинам, по которым одни люди оказываются в нищете, а другие «купаются в роскоши»; в-третьих, это отношение к самим людям, оказавшимся в бедности или нужде. Совокупность этих «отношений» моделирует поведение человека, который, в зависимости от своей позиции, определяет, нужно ли помогать нуждающимся, должна ли эта помощь исходить от общества или от государства, имеют ли нуждающиеся право на такую помощь, или же каждый человек несет индивидуальную ответственность за свое положение.

Ответы на эти вопросы также зависят от многих факторов: воспитания, системы ценностей, религии, общественного дискурса, истории, традиций и «коллективной памяти», государственной идеологии и политики, и т. п. Так, например, традиции православия накладывают

на богатых людей, помимо прав и привилегий, особую ответственность: они служат церкви, которая «служит бедным». Бедные почитаются достойными помощи, богатые – достойными служения. Идеология протестантизма, напротив, считает богатство знаком богоизбранности, приверженности ценностной системе, основанной на трудолюбии, бережливости и трезвости, а бедность, соответственно, – знаком «проклятья». В разных обществах и в разные исторические периоды бедность воспринималась и как божественный дар, и как состояние независимости, или, напротив, как кара божья и общественная болезнь, напасть и стигма. Даже сегодня определения этого явления разнообразны: ряд антропологов трактуют бедность как «ограниченность выбора», зарубежные социологи в числе признаков бедности указывают на «отсутствие горячих завтраков, поездок в отпусках, регулярных семейных выходов в рестораны». Бедность подразделяют на *абсолютную* (невозможность удовлетворить даже основные потребности) и *относительную* (невозможность поддерживать уровень «приличествующей» жизни в данном обществе); на *первичную* и *вторичную*, *устойчивую* и *плавающую*, и т. д.

Как и зачем, таким образом, изучать бедность исторически? Ответ на вопрос «как?» может строиться в рамках самых разнообразных исследовательских подходов: это и изучение жизненных условий, быта, норм и ценностей бедных и беднейших слоев в разных обществах и в различные исторические периоды, и анализ эволюции социальной политики и сравнение различных ее моделей; и изучение истории милосердия и благотворительности, и т. д. Но все эти ракурсы выводят нас на проблему *восприятия* бедных и бедности – ведь ответ на вопрос, как решать (и решать ли?) проблемы, связанные с бедностью, во многом зависит от того, как мы воспринимаем или оцениваем бедных как социальную категорию. Восприятие и нравственная оценка бедных в обществе тесно связана с уровнем социальной интеграции, с системой ценностей, и, конечно, с приоритетами в области социальной политики. Последняя дилемма, соответственно, дает ответ на вопрос «зачем?»: для того, чтобы посредством осмысления опыта прошлого поразмышлять об ориентирах для сегодняшнего дня.

Среди государств, имеющих многовековые традиции осмысления проблемы бедности и борьбы с этим явлением, особое место занимает Великобритания, которую даже называют «социальной лабораторией» с точки зрения проработки этого вопроса. Здесь еще в XIII веке появились первые королевские статуты, предписывающие помощь нуждающимся, раньше всех сформировалась комплексная государственная система социальной помощи, развернулись первые в Европе общественно-политические дебаты о природе бедности. Можно сказать, что многие страны, в том числе дореволюционная Россия, перенимали и копировали, с большим или меньшим успехом, английский опыт. Иными словами, становление *социальной политики* в Новое и Новейшее время неразрывно связано с историей Великобритании.

Цель данной книги – приоткрыть для читателя одну из интереснейших страниц английской истории, связанную с трансформацией системы социальной помощи, сложившейся еще при Елизавете Тюдор, в «викторианскую» систему «помощи-наказания» бедняков в тюрьмоподобных работных домах. В течение полутора столетий с помощью законодательства, социальных практик, философских рассуждений и общественно-политической полемики англичане будто бы пытались ответить на вопрос: *помогать* попавшим в нужду или *наказывать* их за лень и нерадивость, *терпеть* бедному человеку свое положение, или же можно *просить* о помощи?

Надеюсь, знакомство с этими непростыми перипетиями может стать дополнительным штрихом к пониманию систем и механизмов социальной политики и социальной помощи, существующих сегодня, в том числе в нашей стране, и, кроме того, поможет читателю сформулировать свою личную позицию по этому сложному, но крайне актуальному в современных условиях вопросу.

Введение

Должная помощь бедным – это подлинная проверка для цивилизации.

Условия жизни низших, особенно беднейших классов – истинный показатель национального развития.

(Самуэль Джонсон, 1779)

Британия – страна, имеющая долгую и непростую историю развития системы социальной помощи в виде пресловутого «треугольника» взаимоотношений между государством, обществом и теми социальными слоями, которые нуждаются в государственной и общественной поддержке. Эта история была полна смелых решений, удачных и провальных экспериментов, драматических поворотов.

Традиционно выделяют несколько этапов этой истории применительно к эпохе Нового времени. Начало первого этапа корнями уходит в средневековье, в XIII век, когда в Англии появились первые королевские статуты, предписывающие помощь нуждающимся. Второй этап – это эпоха правления знаменитой династии Тюдоров, которая стала свидетелем небывалого взлета частной благотворительности и филантропии, строительства домов призрения, возникновения бесплатного медицинского обслуживания для беднейшей части населения. В это же время было принято первое в Европе систематизированное законодательство об обязательной социальной помощи – так называемое «Елизаветинское законодательство о бедных», которое еще называют «Старым законодательством».

Третий этап – «Век Просвещения» – был отмечен появлением, со стороны государства, целой серии законодательных актов, по сути, являвшихся поправками к «Елизаветинскому законодательству» и регулировавших, например, вопросы трудовой миграции, зародившийся институт работных домов, систему дотаций малоимущим, вопросы поддержки отдельных категорий нуждающихся, и т. п. В этот период Англия становится государством с самым большим объемом налоговых отчислений в пользу бедных среди стран Европы. Со стороны общества этот же этап был отмечен взлетом «добровольного» сектора социального призрения – появлением и развитием организаций самопомощи для трудящейся бедноты.

Следующий этап – «викторианский»: его символом становится возникший на английском политическом ландшафте после реформы 1834 года зловещий облик «нового» работного дома как цитадели жестокости, цинизма и бесчеловечности в отношении самых уязвимых слоев населения. Именно таким это учреждение описано в романах Чарльза Диккенса и других классиков критического реализма.

Пятым этапом можно считать конец XIX – начало XX вв., когда в Англии зародились идеи социального либерализма и были проведены важные социальные реформы (создана система государственного социального страхования, существенно расширено законодательство, регулирующее трудовые отношения и пр.), на основе которых в середине XX века сформировалась модель социально-экономического и политического устройства, получившая название «государства всеобщего благосостояния» («Welfare State») и основывавшаяся на принципах равенства возможностей, справедливого распределения национального дохода и ответственности общества за уровень жизни тех людей, которые не в состоянии обеспечить себя самостоятельно. Опыт конца XIX – начала XX в. во многом определялся сочетанием традиционной для классического либерализма концепции самопомощи, сориентированной на предоставление низшим классам возможности самим защищать свои интересы, и набиравшей силу политико-идеологической концепции *социально-ориентированного государства*.

Чем объяснить такие крутые повороты в политике в отношении бедных в Новое время? И можно ли их считать действительно «крутыми поворотами», ведь сама природа британского реформизма подразумевает, как считается, не замену старых институтов и установлений новыми, а постепенное, «бережное» вытеснение первых последними? Ведь именно в «консервативности радикализма» в Англии, где любые *реформы* всегда стимулировались *традициями* и шли на уровне практики, не будучи ни санкционированными, ни приемлемыми в теоретических формулировках, историки усматривают корень относительной «безболезненности» английского исторического развития?

Ответы на эти непростые вопросы невозможны без анализа периода XVIII – первой половины XIX в., в причудливой форме сочетавшего черты «старой» и «новой» систем социальной помощи и, можно сказать, воплотившего собой расхожее выражение о том, что в Британии реформы законодательства, политических и общественных институтов «не происходят, а постепенно вырастают».

Характерно, что даже свидетельства современников-иностранцев, посещавших туманный Альбион примерно в одно и то же время и оставивших потомкам свои впечатления об английской системе социальной помощи, крайне противоречивы. Так, граф Алексис де Токвиль в 1833 году определял степень помощи бедным в Англии как «излишнюю» и удивлялся, насколько там велик процент населения, зависящий от организованного милосердия, и насколько высок средний уровень жизни, на который может рассчитывать даже бедный человек.¹ Совсем иное мнение высказывал современник Токвиля и, можно сказать, его коллега – русский историк Николай Михайлович Карамзин, посетивший Англию в конце XVIII века и описавший свои впечатления в «Письмах русского путешественника» (оговоримся, правда, что следует учитывать некоторую «фантазийность» данного сочинения Карамзина; еще знаменитый литературовед Ю.М. Лотман доказал, что его сюжетная линия «не всегда соответствует реальной канве событий»²). Карамзин указывал на то, что в Англии – стране, где по достоинству вознаграждается «всякого рода трудолюбие», – помогут любому несчастному, но только не бедняку, и что здесь «бедность делается пороком», за который следует наказывать.³

Подобная противоречивость свидетельств еще больше подогревает интерес к «странностям» и «несоответствиям» указанного исторического периода. Желание разобраться в особенностях и тонкостях «старой» системы социальной помощи в период ее трансформации в «новую», выявить специфику восприятия англичанами основных элементов этой системы на разных уровнях определяет, соответственно, замысел, хронологические рамки и структуру данной книги.

В первой главе рассматривается *историко-культурный контекст*, в котором «вызревало» законодательство, формировалась идеология и практика социального призрения. Пытаясь провести связь между природой английского общества в XVIII – первой половине XIX вв. и особенностями системы социальной помощи, автор заостряет внимание на обсуждаемой применительно к этому периоду дихотомии «преемственность – трансформация»: в частности, на том, как указанная дихотомия обуславливала изменения в законодательстве о бедных и сказывалась на характере социальных практик «открытого» и «закрытого» призрения нуждающихся.

Вторая глава целиком и полностью посвящена *размышлениям* о бедности в трудах и дебатах интеллектуалов того времени. Мало кто знает, что тема бедности и социальной помощи занимала значительное место в творчестве тех писателей и философов, которые известны широкому кругу читателей совсем в ином ключе. Это, например, знаменитый просветитель

¹ Цит. по: Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., 1993. P. 5

² Подробнее об этом см.: Соколов А.Б., Осипов А.С. История Англии в оценках Н.М. Карамзина // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 67–71.

³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., Правда. 1988. С. 498–499.

Даниэль Дефо, известнейший экономист Адам Смит, великий мыслитель Иеремия (Джереми) Бентам. С другой стороны, огромное внимание вопросам бедности, нищеты и помощи нуждающимся уделяли и те авторы, которые, будучи широко известными за рубежом, практически обойдены вниманием отечественных англоведов. Среди них – знаменитый филантроп Джонас Хэнзуэй, «подаривший» англичанам один из «символов нации» – зонтик – и колесивший по Лондону в экипаже, украшенном лозунгом «Никогда не отчаивайся!», а также английский аристократ сэр Фредерик Мортон Иден, осуществивший скрупулезнейшее исследование положения беднейших слоев в Англии.

В третьей главе мы опускаемся с уровня размышлений и дебатов интеллектуальной элиты на уровень *массовой и популярной культуры*, где проблемы бедности и помощи нуждающимся муссировались, впрочем, не менее активно. Образы бедных и нищих все чаще появлялись в карикатурах и популярной печатной графике – развлекательных картинках, доступных широкому кругу людей. Правила поведения, которые должен был соблюдать бедняк, чтобы «сохранить добродетель и не деградировать в нищету», красной нитью проходили в специальных нравоучительных стихотворениях, предназначенных для заучивания наизусть в воскресных школах, а также в поучительных рассказах для низших слоев, объяснявших бедноте, «что такое хорошо и что такое плохо». В моду вошла «экономная кулинария» – специальные кулинарные рецепты для бедных, позволяющие при малых затратах питаться полноценно и, по мнению авторов, поддерживать скромный, но достойный уровень жизни. Наконец, именно в этот период появились первые «голоса бедности», то есть описания своих бедствий самими нуждающимися – например, в виде письменных прошений о помощи в адрес приходского начальства.

Как эти «срезы» общественного мнения эпохи коррелировали между собой? Можем ли мы говорить о некоем едином интеллектуально-культурном пространстве восприятия феномена бедности, о едином типе «социальной чувствительности» в общественно-политической мысли, в печатной, визуальной, устной культуре Британии – или же то, что писали и о чем дискутировали философы и парламентарии, не имело ничего общего с тем, как воспринимали ту же проблему простые люди и уж тем более сама беднота?

К счастью, прошлое оставило нам немало следов, по которым можно восстановить хрупкую сферу восприятий. Несмотря на то, что, на первый взгляд, источники для изучения этой темы не лежат на поверхности, они начинают «проявляться», и довольно ярко, если историк формулирует «правильные» вопросы, которые можно задать традиционным свидетельствам – даже таким, как, казалось бы, вдоль и поперек исследованные парламентские материалы, продукты общественно-политической мысли и пр.

В целом источники по теме можно разделить на несколько групп.

Первая группа – официальные документы. Сюда входят тексты законопроектов (биллей), парламентских актов, указов и постановлений,⁴ а также иные материалы парламента и образуемых им органов – например, отчеты и рекомендации специальных королевских комиссий или комитетов по расследованию отдельных вопросов государственной важности.⁵ Некоторые отчеты и рекомендации вышеуказанных комиссий, впрочем, посвящены довольно узким вопросам. Это, например, малоизвестный «Отчет о целесообразности ношения «позорящей» одежды для матерей-одиночек, претендующих на социальную помощь», анализ которого выво-

⁴ См. напр: Elizabethian Poor Laws 1597–1601 – тексты законов (электронный ресурс) – режим доступа: // http://www.en.wikipedia.org/wiki/Elizabethian_Poor_Law; Journals of the House of Commons. – London. Vol. XXXII–XXXVIII; The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803. – Ed. W. Cobbett. – In 36 vol. – London, Bagshaw. – 1806–1820. – Vol. XV–XXVI; The Parliamentary Register. – Ed. J. Debrett. – 2nd Series, 45 vol. – L. – 1781–1796.

⁵ См. напр.: The poor law report of 1834. – ed. by S. G. and E. A. O. Checkland L., Penguin. 1974; Report of the Devon Poor Law Commission. 1845; Report from the Select Committee on the Poor Laws (1817); Report from the Select Committee on the Poor Laws (1819), Report from the Select Committee on Labourers' Wages (1824); Report from His Majesty's commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. London, B. Fellowes, 1834; The reports of the Society for Bettering the Condition and Increasing the Comforts of the Poor. Vol. 1. 1798.

дит на более сложную проблему восприятия «женской бедности» и гендерного аспекта социального призрения.⁶

Несмотря на то, что законодательство о бедных в интересующую нас эпоху, называемое по-английски «Old Poor Law», в России, как правило, переводят буквально – «Старый Закон о бедных», это не один закон, а более пятидесяти парламентских актов, а также поправок к ним, которые доступны не только в парламентских журналах, но и в сборниках исторических документов.⁷ «Хрестоматийным» в этой группе до сих пор считается двенадцатитомное издание на английском языке «English Historical Documents», вышедшее в свет еще в 1959 г. Впрочем, следует отметить, что какого-либо отдельного сборника, который объединил бы в себе все законы, регулирующие проблему бедности в Англии, и поправки к ним, до сих пор не издано.

К группе официальных документов можно также отнести стенограммы парламентских дебатов, которые доступны в журналах палаты общин.⁸ Этот вид источников интересен тем, что позволяет рассмотреть весь спектр аргументов по какому-либо вопросу, выявить «особые мнения», которые отличались от принятого в итоге решения, увидеть различные грани восприятий, дискуссионные полюса обсуждаемой проблемы.

Самую подробную информацию о ходе парламентских дебатов того времени исследователь может почерпнуть из журналов палаты общин – «Journals of the House of Commons», но, поскольку такого рода первоисточники не всегда доступны, представляется разумным обратиться к компиляциям, наиболее подробной из которых (правда, оконченной 1806 годом) считается сборник «Парламентская история», составленный английским историком У. Кобеттом. Основанное на материалах личных коллекций, сообщений в прессе и т. п., это много томное издание воспроизводит ход дискуссий, имевших место во второй половине XVIII – начале XIX вв. в обеих палатах английского парламента, и традиционно считается «хрестоматийным» источником для изучения парламентских дебатов. Существует, однако, еще одно издание подобного рода – «Парламентский регистр» под редакцией Дж. Дебретта. Этот источник менее доступен, но, на наш взгляд, он выигрывает у «Парламентской истории» в точности воспроизведения парламентских дискуссий, что можно обнаружить, например, при сравнении содержания вышеуказанных изданий с сокращенными версиями дебатов, публиковавшихся в журналах «Annual Register» и «Gentleman's Magazine».⁹

Вторую группу свидетельств составляют продукты научной, общественной и политической мысли – сочинения философов и общественно-политических деятелей, их речи, трактаты, памфлеты. Часть источников данной группы доступна на русском языке. Это, конечно же, относится к сочинениям английских просветителей, которые неоднократно изданы и широко изучены в нашей стране, – Т. Гоббса, Ч. Годвина, Д. Дефо, Ж.-Ж. Руссо, А. Смита, Дж. Свифта, Д. Юма и др.¹⁰ Однако преобладающая часть этой группы источников практически не исследована в России и на русский язык не переведена. Сюда можно отнести, во-первых, не известные у нас произведения – например, памфлет Даниэля Дефо «Подача милостыни – не благотворительность!»¹¹ или трактат Иеремии Бентама «Управление бедными», которые впервые введены

⁶ Ignominious Dress for Unchaste Women in Workhouses. Minute of the Poor Law Commissioners 5th March 1839 pp / 098–100/#4. [electronic resource]: http://www.institutions.org.uk/poor_law_unions/unmarried_mothers.htm.

⁷ См. напр.: *Black J.* The Politics of Britain: 1688–1800. – Manchester University Press. – Manchester and New York. – 1993. – Selected Documents. – 167 P.; *English Historical Documents*. – In 12 vol. – Ed. by D. C. Douglas. – Vol. XI. – London. – 1959. – XXIV + 867 P.

⁸ Journals of the House of Commons. L. Vol. XXXII–XXXVII.

⁹ The Parliamentary Register. Ed. J. Debrett. 2nd Series, 45 vol. L., 1781–1796.

¹⁰ См.: *Гоббс Т.* Избранные произведения. В 2-х т. М., Мысль. 1964; *Годвин Ч.* О собственности. М., 1958; *Локк Дж.* Сочинения: в трех томах. АН СССР. М., Мысль. 1988; *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., Наука. 1969; *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., изд-во социально-экономической литературы. 1962; *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. М., Прогресс.

¹¹ *Defoe D.* Giving Alms no Charity. L., Printed and sold by the Booksellers of London and Westminster. 1704.

в научный оборот в ряде статей автора данной книги.¹² Во-вторых, это произведения мало изученных или практически не знакомых отечественному читателю мыслителей: Э. Бёрка, Дж. Тауншенда, Ф.М. Идена, Дж. Хэнгуэя, У. Хэзлитта, У. Сабатье, А. Янга и др.¹³

Пресса и популярная публицистика – третья группа исторических свидетельств: неопенимая, хотя и очень тенденциозная. Это предназначенные для широких общественных кругов газеты, журналы, листовки, информационные листки и т. п. В Новое время (как, впрочем, и сейчас) периодические издания и пресса отражали интересы тех, на чьи средства они издавались (правительства, если издание существовало на государственные субсидии, частных лиц или объединений, церкви), и в силу этого были крайне пристрастны в оценке тех или иных злободневных вопросов – в частности, интересующего нас вопроса оценки бедности, бедных и социальной помощи. В книге использованы материалы таких периодических изданий, как «The Times», «Morning Chronicle»,¹⁴ отдельные материалы из популярных журналов по сельскому хозяйству и домоводству,¹⁵ материалы из неопубликованной коллекции английских журнальных и газетных вырезок того времени, собранной нашим соотечественником М.Д. Хмыровым и хранящейся в Государственной публичной исторической библиотеке.¹⁶

Дневники, воспоминания, переписка – продукты частной мысли, не предназначенные для широкого круга лиц, – также дают массу полезных сведений по вопросам восприятия бедности и помощи нуждающимся. В этой группе источников можно обнаружить довольно уникальные экземпляры. Так, в Англии в 1986 г. был опубликован дневник сельского священника из графства Сомерсет Уильяма Холланда, изданный под названием «Нищие и мясники. Дневник Уильяма Холланда, священника из Сомерсета, 1799–1818». Это совершенно удивительный материал «из первых уст», повествующий о ежедневном быте обычного английского прихода, в том числе о его беднейшем населении, об их несчастьях, бедах и маленьких радостях.¹⁷ В эту же группу можно включить и не известный в российской исторической науке источник – собранные в одном сборнике под редакцией Т. Соколла «письма-прошения» о социальной помощи, написанные самими английскими нищими (пауперами).¹⁸

При изучении темы восприятия бедности, конечно же, нельзя обойти вниманием литературно-художественное творчество эпохи. Это, естественно, не только произведения «высокого» искусства и литературы (хотя они составляют весомую часть источников данной группы) – например, хорошо известные у нас повести Чарльза Диккенса, сказки Бернарда Мандевилля, Джонатана Свифта, Чарльза Кигнсли. Не меньшее значение для понимания темы имеют и более «примитивные» литературные сочинения (отметим, *намеренно* примитивные!) – например, нравоучительные рассказы и стихотворения Ханны Мор и Уильяма Бурдона для бедняков о должном поведении и правильном образе жизни.¹⁹ Кроме того, любопытную

¹² *Bentham J.* Management of the Poor. Dublin: James Moore, 1796.

¹³ *Eden F. M.* Observations on Friendly Societies for the Maintenance of the Industrious Classes during Sickness, Infirmary, and Old Age. L., 1801; *Eden F. M.* The State of the Poor (in 3 books). London, G. Rutledge and Sons Ltd. 1928; *Hall Ch.* The Effects of Civilization on the People in European States. New York, 1965; *Hanway J.* An Earnest Appeal for Mercy to the Children of the Poor. L., 1766. 127 p.; *Hanway J.* Virtue in Humble Life. In 2 vol. L., 1774. 601 p; *Hazlitt, W.* Reply to Malthus. Malthus and the Liberties for the Poor. London, Longman, 1807; *Sabatier W.* A Treatise on Poverty, its Consequences, and the Remedy. L., 1797; The Speeches of the Right Honourable William Pitt in the House of Commons. Ed. W. S. Hathaway. In 4 vol. London, Longman. 1806; The Writings and Speeches of Edmund Burke. Ed. By P. Langford. Oxford. 1980–1981; *Townsend J.* Dissertation on the Poor Law by a Well-Wisher of Mankind: Berkeley, Los Angeles, London, 1971; *Young A.* The Farmer's Letters to the People of England. L., 1771.

¹⁴ Morning Chronicle. 1849. September 24, October 18, 19, 23, 26. November 2, 6; The Times. July 11, 1795.

¹⁵ Annals of Agriculture, 1792. Vol. 17; 1798. Vol. 29.

¹⁶ Английский парламент. Газетные и журнальные вырезки из коллекции М.Д.Хмырова (Гос. публ. ист. б-ка). – Том 1. Папки 1, 2.

¹⁷ Paupers and Pig Killers. The Diary of William Holland, a Somerset Parson, 1799–1818. Ed. Jack Ayres. L., Penguin, 1986.

¹⁸ Essex Pauper Letters. 1731–1837. Ed. By T. Sokoll. Oxford University Press. 2006.

¹⁹ См. напр.: The Works of Hannah More. L., 1834; *Burdon W.* Advice, Addressed to the Lower Ranks of Society. Newcastle-Upon-Tyne, 1803.

информацию предоставляют историку кулинарные справочники эпохи, «семейные словарики» и даже путеводители для путешественников. Наконец, огромную роль в восприятии и понимании темы играют *визуальные образы*, которые отличаются от текстовых источников, в первую очередь, так называемой «мгновенной апелляцией» к эмоциям смотрящего, позволяющей быстрее донести желаемую мысль и расширяющей «аудиторию» источника до малограмотных и даже неграмотных людей, не способных читать тексты. К таким образам можно отнести и произведения живописи, и политические и социальные карикатуры, и иллюстрации к книгам и памфлетам, и гравюры XVIII–XIX веков.

Крайне сложно провести границу между источниками по теме и *историографией проблемы*. Уже в произведениях участников интеллектуальных дебатов о бедности Нового времени, чьи труды анализируются нами именно как источники, содержатся и анализ законодательства и социальных практик, и критическое осмысление трудов о бедности своих предшественников и современников. Поэтому к продуктам аналитической мысли, то есть, по сути, к историографии проблемы, мы относим и часть источников конца XVIII – первой половины XIX вв., в которых предприняты первые попытки *исторически* осмыслить английский опыт построения политики в отношении беднейших слоев в рамках «старого законодательства о бедных». В это время рождается направление в оценке «старого законодательства», которое позднее получило название «вигский нарратив» и в основе которого лежала критика дореформенной системы социальной помощи за «*бедноцентризм*», то есть практически безрассудную трату сил и средств государства и общества на неоправданно щедрую помощь тем, кто сам виноват в своем плачевном положении из-за лени, праздности и иных пороков.²⁰

Правда, уже где-то с середины XIX века, когда стали проявляться недостатки «нового законодательства», появились попытки переосмысления старой системы. Одной из первых таких попыток стала «левая», социалистическая трактовка «старого законодательства». Связана она в первую очередь с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса. В «Капитале» Маркса появилось хлесткое название «Кровавое законодательство Тюдоров», главными жертвами закона он считал крестьян, согнанных с земель в результате огораживаний и устремившихся за лучшей долей в города. Вторым пунктом его критики были работные дома. Но и он, и Энгельс (последний – в своем труде «Положение рабочего класса в Англии») положительно оценивали компонент *помощи* нуждающимся как таковой и налоговых отчислений в пользу последних.²¹

Позднее, в конце XIX – начале XX века, эта трактовка получила развитие в работах фабианских социалистов, супругов С. и Б. Веббов.²² В это же время появляются первые попытки скрупулезного анализа экономических условий жизни бедноты, – в первую очередь, труд Чарльза Бута «Жизнь и труд жителей Лондона». По словам исследовательницы Г. Химмельфарб, Бут «удалил» моральный компонент восприятия бедности, показав результатами исследования, что 30,7 % населения Лондона можно назвать бедным. «Точность этой цифры была настолько же впечатляющей, как и ее величина, – пишет Химмельфарб. – Скрупулезно исследуя домашнее хозяйство «дом за домом», Бут провел «линию бедности», поместив различные социальные группы на ней, под ней и над ней. Таким образом, он выделил «очень бедных» (пауперы, бездомные, уличные бродяги), и «состоятельных рабочих», располагающихся выше черты бедности. Проблемой Бут предложил считать, таким образом, не бедность как таковую и бедных как единый абстрактный социальный массив, а перспективу попадания тех или иных групп за проведенную им черту бедности».²³

²⁰ *Blaug M. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // The Journal of Economic History*, Vol. 23, № 2 (June, 1963), pp. 151–184.

²¹ См. напр. *Штокмар В.В.* Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных народных масс Англии // Ученые записки ЛГУ, № 130, секция исторических наук, в. 18.

²² *Webb S., Webb B. English Poor Law History: Part One. The Old Poor Law.* Frank Cass & Co. L., 1929.

²³ *Himmelfarb G. The Idea of Poverty // History Today* 1984 Vol. 34 Issue 4, April. P. 16.

Любопытно, что в России в это же время, напротив, заинтересовались историей английской социальной политики как образцом, по которому следует строить аналогичную сферу деятельности государства. Была учреждена Императорская премия за лучшее исследование в этой области, создана профильная государственная комиссия. В большинстве трудов, посвященных истории английских законов о бедности, критиковалось «старое законодательство» и, напротив, высоко оценивалась «новая система» работных домов. Аргументы авторов были выстроены в духе «вигского нарратива». Так, автор одной из работ ссылаясь на Э. Бёрка, вслед за которым подчеркивал: «само слово «бедный» требует объяснения. Им принято называть два различных, хоть и родственных класса людей: во-первых, тех, которые действительно ничего не имеют, во-вторых, тех, которые ничего не имеют, кроме физического труда, который и составляет их имущество и служит главным источником богатства. Мы слышали немало планов вспомоществования трудящимся рабочим. Эта надоедливая фраза не так невинна, как глупа... Когда мы жалеем тех, которые должны трудиться, то совсем не считаемся с условиями человеческого существования... Здорового молодого человека, бодрого духом, с сильными руками... я не могу назвать бедным, жалеть его».²⁴ Единственным автором, который предлагал взглянуть на проблему под противоположным углом зрения – с позиции «права» нуждающегося на социальную помощь от государства, – был профессор В.А. Гаген, посвятивший этому вопросу целую серию фундаментальных трудов.²⁵

Следующий «виток» в оценке «старой системы» произошел в первой половине XX века. Назовем его «неолиберальным», т. к., в целом располагаясь в русле традиционной вигской интерпретации, он был лишен ненависти к «бедноцентристской» системе, характерной для риторики первой половины XIX в. Выразитель этого подхода – Дж. М. Тревельян. Он называл «старую систему» «хорошим замыслом», который в силу ошибок в применении привел к росту праздности и преступлений среди бедняков.²⁶ В середине XX столетия появляется интерпретация «старой системы», которую можно назвать «ревизионистской». Классической в этом смысле стала статья Марка Блога «Миф о старом законодательстве о бедных» (1963), в которой автор указывал на то, что в первой половине XIX столетия старая система социальной помощи намеренно очернялась с целью создания необходимого настроя для реформы 1834 года.²⁷ Пол Слэк, автор книг «Бедность и политика в Тюдоровской и Стюартовской Англии» и «Английское законодательство о бедных в 1531–1782 гг.», вообще отказывался признавать термины «старое законодательство» и «старая система», считая, что английские законы о бедных в рамках обеих «систем» служили ряду общих целей: «установлению более строгого социального контроля, облегчению участи части населения и демонстрации щедрости власти, ее милосердия». Именно поэтому английская «система» была, по мнению ученого, более эффективной, чем подобные институты в других странах.²⁸

Оценки «старой системы», существующие в современном научном дискурсе, во многом балансируют между «вигским нарративом» и ревизионизмом. Однако в современной зарубежной историографии появляется все больше исследований, нацеленных не столько на *оценку* характера социальной помощи Нового времени, сколько на *изучение конкретных практик* в социальной политике, государственных механизмов регулирования того или иного аспекта – так называемого «репертуара социальной помощи», – который, по словам исследователей Ф. Блока и М. Сомерс, «и сегодня немногим отличается от перечня мер, изобретенных и при-

²⁴ Фауль Т. Призрение бедных в Англии (пер. А.М. Белова). СПб. 1899. С. 3.

²⁵ См. напр. Гаген В.А. Право бедного на призрение. СПб. 1907.

²⁶ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, «Русич», 2002. 602 с. С. 496–497.

²⁷ Blaug M. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // The Journal of Economic History, Vol. 23, № 2 (June, 1963), pp. 151–184.

²⁸ Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., Oxford, 1993. 246 p.; Slack P. The English Poor Law, 1531–1782. New Studies in Economic and Social History. Cambridge University Press, 1995. 376 p.

менявшихся в Англии в XVII–XVIII вв». Это и утвержденный государством прожиточный минимум, и различные системы страхования от безработицы, и кассы взаимопомощи, это и общественные работы и работные дома, и субсидии работодателям для поддержания ими установленного минимума зарплаты своим работникам, и стимулирование трудовой деятельности, и дотации на детей многодетным и малоимущим семьям, и бесплатная медицинская помощь беднякам по контрактам между врачами и приходами, и пр.²⁹

Указанное направление исследований строится, по сути, вокруг понятия «Welfare State» – «государство всеобщего благосостояния», – то есть вокруг эволюции социальной политики в сторону постепенного усиления роли государства в регулировании и администрировании социального обеспечения и социальной помощи гражданам. Историк Дж. Финлэйсон даже употребляет понятие «Welfare State Escalator», то есть некое поступательное прогрессивное развитие социальной политики в Великобритании с конца XVIII по середину XX вв. Однако он же считает этот подход «небезупречным» и ведущим к «излишней концентрации на государстве» и опущению «добровольного сектора» социальной помощи.³⁰

Отдельную группу современных исследований представляют работы, анализирующие английское «старое законодательство» в компаративном ключе. В русле компаративного подхода располагается, например, фундаментальный труд П. Линдберта, изучавшего и сравнивавшего социальные затраты в европейских государствах с XVIII века по настоящее время. Согласно его выводам, объем государственных затрат на социальную помощь к концу XVIII столетия превышал 1 % национального дохода только в Нидерландах, Англии и Уэльсе. К 1820 же годам Англия и Уэльс, по мнению Линдберта, становятся мировыми центрами социальной помощи – как фактически (2,66 % от национального дохода), так и в публичных дебатах.³¹

Если перечисленные выше исследования сконцентрированы на изучении социальной политики и систем социальной помощи, то в отдельный историографический блок следует выделить труды, предметом исследования которых являются *идеи*, восприятия этих систем в разных социокультурных пластах и коммуникативных пространствах Нового времени.

Особый вклад в понимание идеологического фона, на котором проходила эволюция взглядов на бедность и социальную помощь в Новое время, внесли, на наш взгляд, труды двух знаменитых мыслителей XX в. – Макса Вебера и Мишеля Фуко.

В работе немецкого социолога и экономиста Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) в научный оборот было впервые введено понимание ценностей протестантизма как основы возникновения капитализма и формирования «западного» мировоззрения, основанного на индивидуализме.³² С этой точки зрения идея *личной ответственности человека за свое материальное положение* гармонично накладывалась на ценности «протестантской этики», трактовавшей богатство и преуспевание в делах как свидетельство «богоизбранности», а бедность – как кару господню.

Вклад Мишеля Фуко – знаменитого французского философа, историка, теоретика культуры – видится во введении в исследовательское пространство важного понятия «*новый тип социальной чувствительности*», который, по мнению мыслителя, утверждался во всей Европе уже в XVII столетии и, по сути, вызвал к жизни *саму постановку вопроса о том, виноваты ли бедные в своей бедности и надо ли им помогать*. Впервые Фуко охарактеризировал этот социокультурный феномен как общеевропейский в работе «История безумия в классическую эпоху» (1961); мыслитель интерпретировал его как «намеренную политику «интерна-

²⁹ Block F., Somers M. In the Shadow of Spenshamland: Social Policy and the Old Poor Law// Politics and Society. Vol. 3, № 10. Sage Publications, 2003. P. 11–12, 32.

³⁰ Finlayson G. Citizen, State and Social Welfare in Britain, 1830–1990. Oxf., 1994. P. 2–4, 7.

³¹ Lindert P. H. Growing Public. Social Spending and Economic Growth since the 18th century. Vol. I. The Story. Camb., 2004. P. 8.

³² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., Прогресс. 1990.

лизации» (изоляции) бедных от остального «добропорядочного» сообщества как части пестрой толпы преступников, маргиналов, безумцев и нарушителей порядка. Идеи, связанные с практиками надзора и наказания в отношении маргинальных категорий населения, к которым отнесены и бедные, проанализированы в другой, не менее известной работе Фуко – «Надзирать и наказывать».³³

Из книг и статей, вышедших во второй половине XX – начале XXI вв. и так или иначе затрагивающих историю идей и восприятий бедности и бедных, выделяется монография немецкой исследовательницы Гертруды Химмельфарб «Идея бедности» (1983).³⁴ Это, без преувеличения, самый фундаментальный труд, вышедший по проблеме осмысления бедности в истории Англии Нового времени (в ранне-индустриальную эпоху, как пишет сама автор). Хронологические рамки работы (1750–1850) тесно связаны с индустриализацией: Англию Химмельфарб называет «первой индустриальной нацией». В первой главе проанализированы взгляды некоторых мыслителей XVIII века – Адама Смита, Эдмунда Бёрка, Уильяма Питта-младшего, Фредерика Мортон Идена, Джереми Бентама, Томаса Пэйна, Томаса Мальтуса. Во второй части исследована эволюция идеологии в контексте смены системы социальной помощи в 1834 году – в частности, взгляды тех политиков и мыслителей, который эту реформу критиковали. В работе проанализированы и «литературные» примеры интерпретации бедности и бедных – например, в трудах Ч. Диккенса. Социальную политику Нового времени Химмельфарб сравнивает с «качелями, раскачивавшимися между крайностями прогресса и регресса, карательными, репрессивными мерами и щедрой государственной поддержкой».³⁵ Эти колебания она объясняет тем, что одним из ключевых связующих звеньев между проблемой и ее решением являются именно *идеи* – интеллектуальные выкладки о том, как решить проблему, осмысления того, что лежит в ее основе, что превращает ее в *проблему*, требующую решения. Именно идеология, по мнению автора, дает ответ на вопрос о том, как и почему «естественная», непроблематичная бедность одной эпохи становится социальной проблемой в другой эпохе.

Химмельфарб сетует на отсутствие в ее работе «прямых свидетельств бедняков»: «к сожалению, у нас практически нет таких свидетельств, – пишет она. – У нас гораздо больше документов, адресованных таким классам, чем происходящих из их кругов. Даже документы чартистов – это произведения «элиты рабочего класса», не говоря о материалах радикальных газет начала XIX века, где от имени бедных писали репортеры, принадлежавшие, как правило, к среднему классу».³⁶ Отметим, что этот пробел восполнен в одном из разделов данной книги за счет уникального пласта исторических свидетельств «снизу» – писем-прошений пауперов.

В заключение следует кратко охарактеризовать отечественную историографию проблемы советского и «постсоветского» периодов. После революции 1917 года исследования истории социальной политики в нашей стране, можно сказать, прекратились. Под влиянием методологии марксизма изучалась не помощь нуждающимся как средство «снятия» социальных проблем, а, напротив, протестные движения низших классов, классовая борьба. В большинстве словарей эпохи социализма отсутствовало даже понятие социальной политики, вместо которого употреблялись термины «социальное законодательство» или «социальная борьба». Историографические акценты сместились на «кровавое законодательство Тюдоров», массовые протесты и бунты бедноты, радикальные движения. В таком ключе писали корифеи отечественного англоведения – Е.Б. Черняк, Н.И. Ерофеев, В.В. Штокмар, С.Б. Семенов и др.³⁷

³³ См.: Фуко М. Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху. Спб., «Университетская книга». 1997; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы (пер. с французского В. Наумова). ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015.

³⁴ Himmelfarb G. The Idea of Poverty. England in the Early Industrial Age. Faber and Faber. 1983.

³⁵ Ibid. P. 6.

³⁶ Ibid. P. 14.

³⁷ См. напр. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815–1917 гг. М., 1959; Черняк Е.Б. Массовое движение в Англии и Ирландии конца XV – начала XIX вв. М. 1962.; Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов. Самара. 1995.

Современное российское англоведение также практически не затрагивает исследуемую тему. Кроме автора данной монографии, «старое законодательство» стало предметом изучения историка О.В. Саламатовой, однако ее работы посвящены более раннему периоду английской истории – эпохе ранних Стюартов – и основной акцент в них сделан не на сфере идей и восприятий, а на изучении практик реализации «старого законодательства о бедных». ³⁸ На другом «хронологическом полисе» находится научно-популярная работа Е. Коути «Недобрая старая Англия», в которой описываются быт, занятия, условия жизни бедноты в лондонских трущобах в Викторианскую эпоху (а применительно к истории законодательства о бедных – в эпоху «нового законодательства»). ³⁹ Косвенно проблемы отношения к бедным и помощи им затронуты в работах историка-англоведа М.С. Осиповой (Айдемировой), объектом исследования которых является история детства, точнее – детей низших слоев в Англии первой половины XIX в. ⁴⁰

В какой-то мере вопрос об истории подходов к «измерению» бедности поднят в отдельных исследованиях современных социологов и экономистов – в частности, в работах социолога В.С. Сычевой. ⁴¹ Представляет известный интерес и библиографический указатель «Проблема бедности в России и в мире», разработанный в помощь студентам, изучающим тему «Проблемы бедности», на базе Новосибирского государственного технологического университета в 2010 году. В указатель включены библиографические описания книг и статей на русском языке, так или иначе связанных с общими аспектами изучения бедности, в том числе, в историческом ключе, вышедших в 2005–2009 годах. ⁴²

В целом же можно констатировать, что для отечественной историографии история социальной политики, восприятий бедности и социальной помощи – относительно новое исследовательское поле.

В этой связи еще раз подчеркнем, что цель исторических очерков, положенных в основу данной книги, – частично заполнить существующую лакуну, «приоткрыть» для дальнейших исследований один из ключевых пластов этой «непаханной нивы» – историю отношения к бедности и помощи нуждающимся в стране, ставшей родоначальницей основных принципов современной социальной политики.

Штокмар В.В. Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных народных масс Англии // Ученые записки ЛГУ. № 130, секция исторических наук, в. 18.

³⁸ См. напр.: *Саламатова О.В.* Проблемы бедности и контроль за нравственностью в Англии в эпоху ранних Стюартов (по материалам судебных сессий графства Миддлсекс) // Вестник Поморского университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2009. Т. 5. С. 21–28; *Саламатова О.В.* На пути к реформе нравов: проблемы бедности и морали в теории и практике английского государства конца XVI— начала XVII вв. / Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Серия 2, История. Вып. 2. С. 84–92. 21–28

³⁹ *Коути Е.* Недобрая старая Англия. БХВ-Петербург. 2013.

⁴⁰ См.: *Осипова М.С.* Положение детей-работников на текстильных фабриках в Англии (по материалам выступления Р. Оуэна в парламенте в 1816 г.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2012. № 2. С. 173–176; *Айдемирова М.С.* Преступление и наказание. Подростковая преступность в Англии в первой половине XIX в. // Преподавание истории в школе. № 4. С. 27–31.

⁴¹ См. *Сычева В.С.* Измерение уровня бедности: история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 141–143.

⁴² Проблема бедности в России и в мире: библиографический указатель. Сост. Л.Б. Кистюнина. Новосибирск, НГТУ. 2010.

Глава 1

Законодательство о бедных и практики социального призрения в Англии конца XVII – первой половины XIX вв

Социальная структура английского общества в новое время

Английское общество Нового времени, по мнению большинства исследователей, представляло собой причудливое сочетание «старого» (существовавшего со времен средневековья) и «нового» (характерного для периода, находящегося на стыке новой и новейшей истории). Эта «причудливость» была характерна для всех сфер общественной жизни – от политики до идеологии, – но в социальной сфере она проявлялась, пожалуй, наиболее ярко. Один из английских историков заметил, что социальная структура «Туманного Альбиона» в Новое время выглядела как *пирамида с узкой верхушкой и чрезвычайно широким основанием*. С этим нельзя не согласиться.

На вершине британской «социальной лестницы» находилась так называемая земельная элита. На сегодняшний день, правда, всё ещё не существует единого мнения по вопросу о том, в какой степени аристократия XVIII столетия оставалась «замкнутой кастой», принадлежность к которой определялась сложившимися в веках экономическими, семейными, политическими, дружескими и другими связями. Следует признать, что английский земельный нобилитет действительно был неким раритетом для Европы XVIII в. – хотя бы в силу того, что титул пэра мог быть либо пожалован королем, либо унаследован, но лишь первенцем аристократа, поэтому число английских лордов мало изменилось за столетие с 1688 по 1780 гг. По словам историка Р. Портера, «английское пэрство везло мало пассажиров, но последних отличало впечатляющее корпоративное единство».⁴³ В то же время, как указывает исследователь Э. Уоссон, в течение XVIII столетия аристократия постепенно разрушала свою замкнутость, включаясь в новые экономические структуры и механизмы.

Так, например, достаточное распространение получили браки между детьми аристократов и «денежных людей». Такие браки были выгодны как лордам, чьи дела начинали приходить в упадок, так и «нуворишам», получавшим аристократический титул. Известно, что управляющий Английского банка и директор Ост-Индской компании, один из богатейших людей того времени Дж. Бэйтмен потратил много усилий на то, чтобы женить на дочери графа Сандерлэнда своего сына, ставшего вследствие этого брака виконтом Бэйтменом.⁴⁴ Иногда пэры посылали сыновей работать в наиболее доходные места – например, в Ост-Индскую компанию – наравне с «простыми смертными». Интересно, кстати, что, несмотря на опасения моралистов и сторонников традиционных ценностей «старой доброй Англии», уже в XVII столетии торговля ценилась и уважалась англичанами. «Наши торговцы, – писал просветитель Д. Дефо, – не такие, как в других странах. – ...Ряд величайших фамилий, даже среди нобилитета, поднялись из недр торговли».⁴⁵ Таким образом, можно предположить, что в XVIII в. англичанин *мог*

⁴³ Porter R. English Society in the Eighteenth Century. L. 1990. P. 55.

⁴⁴ Ibid. P. 70.

⁴⁵ Англия в памфлете. М., Прогресс. 1987. С. 399–400.

изменить свой социальный статус, что свидетельствует о наличии в общественной структуре Великобритании того времени механизмов социальной мобильности.

С другой стороны, стремление рядового члена общества любой ценой взобраться по существующей в то время «лестнице социального престижа» может, в известной мере, служить подтверждением значимости традиционной системы социальной иерархии в общественном сознании. Так, например, среди многочисленного слоя сельских фермеров – арендаторов, к 1790 г. обрабатывавших около 3/4 английских земель, наблюдалась любопытная тенденция: скопив достаточно средств, они старались, как свидетельствуют источники, во всем копировать образ жизни сельского дворянства. «Иногда я вижу пианино в прихожей фермера, – писал по этому поводу раздраженный дворянин-современник, – и всякий раз желаю, чтобы оно стогрело».⁴⁶

Следующий уровень социальной пирамиды и следующая дискуссионная проблема английской истории XVIII в. – так называемые «люди срединного сорта». Вопрос заключается в том, возможно ли говорить о последних как об уже сформировавшемся к XVIII столетию и имевшем четкие признаки и очертания общественном классе. Разница между уровнем жизни и состоятельности тех, кого, как правило, причисляют к «срединным людям» (подобию среднего класса), была довольно значительной. Так, под «сельским средним классом» историки зачастую подразумевают не только вышеупомянутых фермеров-арендаторов, но и мелкое и среднее джентри – т. н. «сельских джентльменов».⁴⁷ Что касается «городского срединного сорта», то к нему чаще всего относят «бизнесменов средней руки». Отдельные элементы городского «срединного слоя» также заметно отличались друг от друга по своему уровню жизни. Так, чтобы завести пивоваренный бизнес, человек должен был обладать начальным капиталом в 10 000 фунтов, для открытия пошивочной мастерской требовалось от 1 000 до 5 000, а для того, чтобы открыть небольшую мясную лавку – и того меньше: от 10 до 100 фунтов. К концу XVIII столетия в Англии проживало около 170 тысяч торговцев-лавочников, владельцев мотелей и таверн, кофеен, мастерских и пр. Не случайно знаменитый экономист Адам Смит называл Великобританию того времени «нацией мелких лавочников».

Одним из «объединяющих» критериев для столь разных по происхождению и положению в обществе групп населения исследователи считают общие убеждения – чувство независимости, недоверчивое отношение как к «чрезмерному произволу исполнительной власти», так и к засилью крупной земельной аристократии. Отметим, что эти черты, позволяющие говорить о зарождении «мировоззрения» среднего класса, начали проявляться лишь во второй половине XVIII столетия, когда вышеуказанные группы населения активно включались в политическую жизнь, участвуя в петиционных кампаниях и различных общественных организациях. В пользу тезиса о начавшемся в XVIII в. самоопределении среднего класса может свидетельствовать и попытка рассмотрения эволюции данного феномена в международном сравнении: в частности, мы можем обнаружить известное сходство процессов, имевших место в Англии в XVIII столетии, с тем, что происходило в Германии лишь столетие спустя – в середине XIX в.

В это же время в среде развивавшегося среднего класса начинает проявляться такой психологический феномен, как *социальный стыд и страх «деградировать в унижительную бедность»*. Об этом, в частности, пишет исследователь Дэвид Нэш, указывающий на то, что XIX, или «буржуазное», столетие «несло в себе заметные проявления стыда и беспокойства». Средний класс мучил, по словам историка, «угрожающий страх внезапной и разрушительной бедности и катастрофического падения по социальной лестнице».⁴⁸

⁴⁶ Цит. по: Porter R. Op. cit. P. 69.

⁴⁷ См. напр. Wasson E. The House of Commons. 1660–1945. Parliamentary Families and the Political Elite. // English Historical Review. Vol. CVI, 1991. № 420. P. 628.

⁴⁸ Нэш Д. К вопросу о дальнейшем изучении стыда. Размышления на основе британских исторических источников XIX в. (перевод Ю.Е. Барловой)// Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVIII вв.) – ред.

Еще ниже, чем люди «срединного сорта», в воображаемой социальной пирамиде английского общества располагались ремесленники и трудящиеся. Это ткачи, лодочники, конюхи, пастухи, пахари, пекари, уборщики улиц, шахтеры (данный перечень занятий – лишь малая часть всего разнообразия профессий этой социальной группы). Они, как правило, зарабатывали на жизнь одновременно несколькими сезонными или временными работами, сочетая плуг и ткацкий станок, ловлю рыбы, рубку дров, прополку и т. д.

Еще ниже располагались бродяги, нищие, престарелые, больные и безработные – эти, по словам Р. Портера, «плавающие обломки общества, груз, выброшенный за борт». Эти люди брались за любую работу даже за ничтожное вознаграждение. В большинстве других стран бедные того времени были крепостными; в Англии же они были по преимуществу наемными рабочими, хотя по-прежнему назывались «слугами» своих хозяев. К тем, кто не контролировал свой труд, а зависел от других, относились наемные батраки, подмастерья в промышленности и строительстве, прядильщики, чесальщики, ткачи, вязальщики чулок.⁴⁹

Некоторые современники называли Англию «чистилищем для слуг», а современники писали, что осознание тружеником того, что он всю жизнь будет не более чем батраком, существенно подрывало мотивацию к трезвости, трудолюбию и бережливости. Более того, в некоторых источниках есть информация и об ужасном обращении хозяев со своими слугами: так, известен факт, что в 1764 г. фермер из Мальмсберри был осужден за то, что искалечил и кастрировал двух своих подмастерий. Рабочий день трудящегося длился «от рассвета до заката», а условия работы могли быть просто бесчеловечными. Легочные и бронхиальные инфекции были «верными спутниками» жизни английской трудящейся бедноты.

В то же время иностранцы отмечали, что «бедные не выглядят в этой стране настолько бедными, как в других странах». Даже посетивший Англию в конце 1789 г. Николай Карамзин писал: «Какая розница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь – простота с удивительною чистотою; там роскошь и бедность в вечной противоположности, здесь – единообразие общего достатка; там палаты, из которых ползут бледные люди в разодранных рубищах; здесь из маленьких кирпичных домиков выходят Здоровье и Довольствие – лорд и ремесленник с одинаково благородным и спокойным видом».⁵⁰

Как же обстояло дело с разницей в доходах на различных ступенях этой причудливой социальной лестницы на самом деле? Ответ на этот вопрос можно почерпнуть, к пример, из доступных нам данных статистики.

Около 1688 г. Грегори Кинг (ему приписывают первое статистическое описание состояния английского общества) писал, что самое малое, на что английская семья (скажем, мужчина, его жена и трое детей) могла прожить без попадания в долги, обращения за помощью прихода или же за частной благотворительностью, – это 40 фунтов в год. Он полагал, что доходы пэров составляли около 2 800 фунтов (некоторые исследователи сегодня утверждают, что эта цифра была занижена как минимум вдвое). С другой стороны, 364 тысячи «работников и слуг» имели доход на семью всего 15 фунтов в год; 400 тысяч «безземельных крестьян и пауперов» жили на 6 фунтов 10 шиллингов в год; 50 моряков существовали на 20 фунтов; 35 тысяч солдат – на 14. Вместе вышеперечисленные группы составляли более половины семей в стране. Вычисления Кинга, таким образом, предполагали, что верхние 1,2 % населения владели 14,1 % национального дохода; а нижние 67,1 % – около 29,9 %.

Историки, изучавшие XVIII столетие, оговариваются, что в 1780 году еще меньший процент (1 %) владел еще большим количеством национального достояния (25 %).

М.Г. Муравьева. СПб. 2012.

⁴⁹ Porter R. Op. cit. P. 85.

⁵⁰ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., «Правда». 1988.

Вот, например, как выглядела, по данным Р. Портера, таблица годовых расходов сельского работника «средней руки» из графства Оксфордшир в конце XVIII века:

4, 5 буханки хлеба в неделю по 1 шиллингу 2 пенса каждая – 13 фунтов 13 шиллингов, чай, сахар (для большинства тружеников эта статья расходов была роскошью – Ю.Б.) – 2 фунта 10 шиллингов,
масло, маргарин – 1 фунт 10 шиллингов,
пиво, молоко – 1 фунт,
бекон, мясо – 1 фунт 10 шиллингов,
мыло, свечи – около 15 фунтов,
аренда жилья – 3 фунта,
одежда – 2 фунта 10 шиллингов,
обувь, бельё – 3 фунта,
иное – 2 фунта.

Таким образом, совокупные расходы составляли 31 фунт 8 шиллингов.

Зарабатывал такой труженик, как правило, 8–9 шиллингов в неделю. Его расходы, таким образом, превышали его доход больше, чем на 5 фунтов в год. Частично разница возмещалась приходом (подробнее об этом – в следующем разделе главы), но на 5 фунтов он все равно оставался в долгу.⁵¹

Итак, различия в условиях жизни бедных тружеников, чей доход не превышал 10 фунтов в год, и пэров, ежегодно пополнявших свой бюджет приблизительно на 10 000 фунтов, были, действительно, огромны. В то же время различия в доходе и статусе соседних звеньев «социальной цепи» (например, маркиза и герцога, кухарки и горничной, врача и фармацевта) были порой едва различимы. Последнее обстоятельство часто приводится историками консервативной ориентации как доказательство того, что в целом установившаяся к XVIII в. система социальной иерархии «принималась» почти всеми социальными группами и, продолжая достаточно успешно регулироваться при помощи традиционных механизмов семейных связей, установившихся критериев добродетели и морали, верований и религиозных табу, обладала достаточной прочностью и гибкостью. Так, в начале XIX столетия английский парламентарий писал: «У нас расстояние между пахателем и пэром состоит из множества шестеренок, смыкающихся друг с другом самым удобным образом, что делает весь механизм совершенным в своей последовательности, силе и красоте».⁵²

Впрочем, в эту «красоту» не вполне вписывались те, кто находился на самом дне общества: «люди подземелья», этот сокрытый от посторонних глаз мир нищих, мелких воришек, цыган, бездомных и безработных, бродяг, мошенников, которые существовали «непонятно на что» и которых немецкий путешественник Лихтенберг описал как «рожденных где-то у печей для обжига кирпича на лондонских окраинах, ... не умеющих читать и писать, ... и обычно заканчивающих жизнь на виселице в возрасте 18–26 лет». В основном эти люди обитали в Лондоне. Там к концу XVIII столетия сформировался целый слой обнищавших пролетариев, оставшихся без работы и лишившихся какого-либо дохода (часто в силу старости, болезни, увечья), или же перебивавшихся случайными работами, которых также не хватало для содержания семьи.⁵³ Пауперизм к началу XIX в. превратился в серьезную проблему, а численность потерявших работу или получавших низкое жалованье рабочих постоянно росла.

Было ли английское общество XVIII в. классовым? Марксистские историки, отвечающие на этот вопрос положительно, указывают, в первую очередь, на многочисленные и частые мас-

⁵¹ Porter R. Op.cit. P. 92.

⁵² См. напр. Clark J. Revolution and Rebellion. State and Society in the Seventeenth and Eighteenth Century. Cambridge Un. Press. – 198; Henshall N. The Myth of Absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London and New York. 1996.

⁵³ Porter R. Op. cit. P. 96.

совые волнения и мятежи, потрясавшие страну и зачастую принимавшие формы социального протеста. Последние, как правило, связываются исследователями данного направления с борьбой за политические реформы и рассматриваются, в силу этого, как проявления классовой борьбы.⁵⁴

Известный историк-неомарксист Дж. Рюде в своей работе «Народные низы в истории» дает немало примеров повышенного уровня преступности, жестокостей толпы, кровавых бунтов, потрясавших в XVIII веке «галантную Англию».⁵⁵ О неспокойности социальной и политической обстановки отчасти свидетельствует и жестокость уголовного законодательства того времени, предусматривавшего публичную смертную казнь (последняя из таких казней датируется 1868 годом!) за достаточно большое количество преступлений. «Это было время, – пишет английский историк Дж. Рул, – когда люди могли пострадать от толпы, охотящейся на ведьм, когда женщин еще сжигали за убийство мужей, хотя уже отменили практику их предварительного удушения».⁵⁶

Заметим, однако, что отнюдь не следует связывать нестабильность в обществе с классовой борьбой в традиционном марксистском понимании. Современники, как указывалось выше, действительно делили общество на «высшие слои», «срединные слои» и «трудящихся людей», однако самые острые столкновения чаще всего происходили не между классами, а между представителями различных религий (католиками и протестантами, англиканцами и протестантскими диссентерами) или между соперничавшими экономическими интересами; волнения могли быть в равной степени вызваны как борьбой за повышение жалованья и протестом против механизации производства, так и ненавистью к евреям, ирландцам, шотландцам и другим национальным меньшинствам.

Итак, расположив структуру английского общества конца XVII – первой половины XIX вв. на условной шкале «преемственность – трансформация», мы можем прийти к следующим выводам. С одной стороны, об изменениях в социальной структуре свидетельствует появление прообраза среднего класса и включение его в экономическую жизнь, а также то, что роль в общественно-политической жизни таких социальных групп, как «люди денежного интереса» и «пролетаризировавшаяся» беднота, возросла. С другой стороны, владение землей по-прежнему оставалось одним из наиболее доходных и престижных способов существования в обществе, и «табель о рангах», возглавляемый крупными землевладельцами, в 1800 г. выглядел почти так же, как столетием раньше. Несмотря на изменения в экономике, традиционные механизмы, регулировавшие общественные отношения, мало изменились по сравнению с XVII в., и статус в обществе по-прежнему определялся комплексом факторов, включавшим семейные связи, происхождение, национальность, религиозные убеждения.

⁵⁴ См. напр. Черняк Е.Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XIX – начале XX в. Москва, изд-во АН СССР. 1962.

⁵⁵ Рюде Дж. Народные низы в истории, 1730–1848. Москва, «Прогресс». 1984.

⁵⁶ Rule J. Albion's People. English Society 1714–1815. L., Longman. P. 251.

Английская система социальной помощи в XVIII – первой половине XIX вв.: законодательство, практики и нарративы

Примерно в одно и то же время, в конце XVIII – начале XIX в., «туманный Альбион» посетили два известных иностранца, оба историки, – граф Алексис де Токвиль и Николай Михайлович Карамзин. Оба были поражены отношением в Англии к бедным и бедности и оставили об этом заметки. Однако в этих заметках были высказаны прямо противоположные мнения.

Так, Токвиль удивлялся, насколько велик в Британии «процент населения, зависящий от организованного милосердия». «В странах, где большинство населения плохо одето, живет в плохих условиях, плохо питается, – продолжал он, – разве кто задумается о чистых одеждах, о здоровой пище, о комфортном жилье для бедных?... Большинство же англичан, имея все это сами, считают отсутствие этого пугающим бедствием. Это общество... лечит беды, которые в других местах не замечают», – заключал Токвиль, обосновывая свой вывод тем, что в Англии средний уровень жизни, на который может рассчитывать человек, выше, чем в любой другой стране мира.⁵⁷

И совсем иное суждение мы встречаем в уже упоминавшихся «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина: «в этом обществе... любят благотворить, любят удивлять своим великодушием и всегда помогут несчастному – *но только не бедняку...*

Англии, где всякого рода трудолюбие по достоинству награждается, хороший человек не может быть в нищете, из чего вышло у них правило: «Кто у нас беден, тот не достоин лучшей доли», – правило ужасное! Здесь бедность делается пороком!... Ах! Если хотите еще более угнести того, кто и так угнетен нищетою, пошлите его в Англию: здесь... узнает он муки Тантала!...».⁵⁸

Такая противоречивость восприятий «извне», впрочем, отражала не менее противоречивое отношение к бедным «изнутри», то есть в самой Англии, – отношение, шедшее рука об руку со «скачкообразной» динамикой британской социальной политики.

История законодательства о бедных в Англии, действительно, уникальна. Еще в 1388 г. статут Ричарда II «О помощи бедствующим подданным» предписывал лендлордам в обязательном порядке заботиться о бедняках, проживавших на их землях. В эпоху правления династии Тюдоров в Англии и Уэльсе было принято 17 актов и статутов, которые можно было характеризовать как «законы о бедных». Наибольшее значение традиционно придается «*Акту о помощи бедным*» 1597 г., юридически закреплявшему необходимость социальной помощи «*пожилым, беспомощным и бедным людям, ...больным и искалеченным солдатам и морякам, ...сиротам, ...одиноким женщинам; ...молодым торговцам, ремесленникам и людям, чьи дела находятся в упадке; и другим для ...облегчения участи бедных жителей...*».⁵⁹ Закон этот учреждал систему приходских попечителей по призрению бедных (overseers of the poor), предписывал сбор налогов в пользу бедных (poor rates) в каждом приходе, разрешал помогать т. н. «трудоспособным пауперам» (людям без собственности, профессии и средств к существованию), которые, однако, должны были отработать получаемую помощь на благо прихода, и вводил «обязательное ученичество» детей бедняков как подмастерьев.⁶⁰ Важным также являлся про-

⁵⁷ См.: Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., 1993. P. 5.

⁵⁸ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., Правда. 1988. С. 498–499.

⁵⁹ Elizabethian Poor Laws 1597–1601 // http://www.en.wikipedia.org/wiki/Elizabethian_Poor_Law.

⁶⁰ Ibidem.

возглашенный принцип «взаимной ответственности» родителей и детей, обязывавший трудоспособного человека содержать, под угрозой ежемесячного штрафа в 20 шиллингов, «неимущих, старых, слепых, хромых и немощных» родственников.⁶¹

Одновременно, однако, увидел свет и другой документ – «Акт о наказании бродяг, праздношатающихся и упорных нищих». Этот закон стал продолжением серии актов, принятых еще в середине XVI века Генрихом VIII – «О египтянах» (так тогда называли цыган) и «О наказании нищих и бродяг». Перечисленные группы населения в раннее новое время представляли серьезную угрозу общественному порядку и спокойствию, поэтому законодатели постарались как можно более детально разграничить тех, кто, в силу возраста или болезни, «был вынужден жить за счет помощи и милосердия», и т. н. «упорных бродяг» (*sturdy vagabonds*), «нарушителей спокойствия» (*rufflers*), «не боящихся наказания попрошайек» (*valiant beggars*), «ленивых праздношатающихся» (*idle wanderers*), «жуликов» (*rogues*), «бродяг» (*tramps*), «браконьеров» (*poaches*). Показательно само по себе богатство определений, многие из которых в англо-русских словарях переводятся одинаково – «бродяга» или «нищий». Акты Генриха VIII предполагали физическое наказание таких людей, принуждение их к работе или помещение в больницы и «дома исправления». Акт 1597 года отличался от предшествующих законов тем, что давал более точное определение для каждой «не заслуживающей помощи» категории населения и предполагал такую дополнительную меру воздействия, как высылку к месту рождения или постоянного проживания.⁶²

В 1601 году законы 1597 г. были снова пересмотрены и усовершенствованы: более детально излагался порядок и механизм сбора налогов, появились пункты о полном запрете бродяжничества и попрошайничества (разрешалась лишь милостыня в виде еды), а также об ужесточении наказания бродяг. Эта новая редакция получила название «Акт о законодательстве в отношении бедных» 1601 г. и до сих пор считается столпом всей «старой» системы социальной помощи в Англии. Именно этот документ, в большинстве случаев, имеется в виду, когда исследователи употребляют термины «Елизаветинский закон о бедных» или «Старый закон о бедных».

Закон о бедных 1601 года сопровождался отдельным приложением – постановлением «Об использовании благотворительных средств», которое закладывало основы т. н. «частного сектора» системы социальной помощи. Этот документ поощрял благотворительность, «продвигал» идеи филантропии среди аристократов и купцов, перечислял основные нужды, на которые могут быть направлены благотворительные средства, учреждал комиссию, которая должна была контролировать благотворительные трасты в Британию. С этих пор частная благотворительность становится важным элементом британской социальной политики. На протяжении XVII–XVIII столетий филантропы основывали дома призрения, больницы, учреждали фонды для обучения пауперов, предоставляли займы бедным или разорившимся торговцам, жертвовали на пособия безработным. Показателен, в частности, отрывок из исследования криминалиста XVIII в. Уильяма Сабатъе, в котором перечислены учреждения, «являющиеся наиболее значительными благотворительными заведениями Лондона и Вестминстера, по данным на 1786 год». Приведем этот перечень полностью:

1. Больница Гая
2. Больница Св. Фомы 3. Больница Св. Георга
4. Лондонский госпиталь
5. Мидлэсекский госпиталь 6. Госпиталь св. Варфоломея
7. Вестминстерский лазарет

⁶¹ Nicholls G. A History of the English Poor Law. In 3 vols. Vol I, L., 1898. 384 p. P. 125.

⁶² Ibid. P. 128.

8. Французский протестантский госпиталь
9. Общий диспансер
10. Вестминстерский общий диспансер
11. Британский родильный госпиталь
12. Родильный дом лондонского Сити
13. Благотворительные родильные дома в частном жилье
14. Закрытый госпиталь
15. Больница для больных и искалеченных матросов коммерческих судов
16. Больница Бетлема
17. Больница Св. Луки
18. Больница для больных оспой
19. Больница для брошенных младенцев
20. Госпиталь Христа
21. Уставный дом
22. Больница Брайдвелл
23. Морское общество (образование и трудоустройство на флоте детей из беднейших слоев)
24. Хоспис (для неизлечимо больных)
25. Госпиталь Магдалины (для кающихся проституток)
26. Общество помощи вдовам
27. Гуманное общество для реабилитации жертв наводнений и затоплений
28. Общество поощрения хороших слуг
29. Уэльское благотворительное общество
30. Филантропическое общество для исправления и трудоустройства бедных детей-преступников».⁶³

Со второй половины XVIII века, таким образом, число благотворительных учреждений начинает расти стремительно: с 1771 по 1780 годов в одном лишь Лондоне появилось 10 новых благотворительных обществ, с 1781 по 1790 – 18, а с 1791 по 1800 – еще 30.

Итак, принятие «Елизаветинских законов о бедных» означало, что государство берет на себя ответственность за социальную помощь, начинает создавать комплекс институтов и мер для ее реализации и определяет категории тех, кто в этой помощи нуждается. Однако механизм воплощения этих законов в жизнь носил не общегосударственный, а, скорее, местнический характер. Каждый приход назначал неоплачиваемого («на общественных началах») попечителя, который должен был собирать налоги с каждого «занимающего землю» жителя прихода, пропорционально его доходу, и направлять эти средства для «помощи беднякам данного прихода». Помощь могла осуществляться в различных формах – это и еженедельные прямые денежные выплаты, и обеспечение одеждой, едой, жилищем, и медицинская помощь больным и старикам, и помощь одиноким матерям, заключавшаяся в поиске отцов и взыскании с них средств в пользу детей вплоть до «созревания» последних, и предоставление убежища бездомным. Трудоспособные безработные получали свое пособие по безработице («dole»), но должны были отработать какое-то время на «пополнении материальных запасов прихода». При этом магистраты несли ответственность за то, чтобы каждый приход знал своего попечителя и чтобы последний выполнял свои обязанности. Выявленные нарушения (например, если в приходе обнаружится трудоспособный паупер, который получает пособие, но не работает) грозили наказанием.⁶⁴ Со своей стороны, работодатель нес ответственность за сохранение рабочих

⁶³ *Sabatier W.* A Treatise on Poverty, its Consequences, and the Remedy. L., 1797. P. 139–144.

⁶⁴ *Leonard E. M.* The History of the English Poor Relief. L., Frank Cass and Co Ltd., 1965. P. 226–236

мест в периоды кризисов или неурожаев, что, как считает исследователь Е. Леонард, «являлось отражением традиционного ожидания от хозяина ответственности за благосостояние своих слуг» – т. н. «патерналистской модели» отношений работодателя и работника, характерной для доиндустриального общества.⁶⁵

Децентрализованная природа воплощения закона 1601 г. в жизнь, с одной стороны, предопределила «неровность» его применения (налоги собирались локально, их сложно было контролировать, у местных законодателей была возможность поднять «порог бедности», чтобы распределять средства среди «заслуженных бедных» или же чтобы заставить работать «незаслуженных бедных»). С другой стороны, он продолжал действовать, например, когда центральное правительство было озабочено разрешением политического и социального кризиса середины XVII века. Это обстоятельство, кстати, отмечали как положительную сторону «старой системы» фабианские социалисты – в частности, С. и Б. Веббы.⁶⁶

В эпоху правления Стюартов и первых трех представителей Ганноверской династии «старый закон о бедных» был снова дополнен рядом поправок.

Одними из самых важных стали «Акты об оседлости», принятые в 1662 и 1697 гг. в дополнение к закону 1601 г. Они утвердили своего рода «*институт прописки*» пауперов: приход, являющийся для нуждающегося местом его «оседлости» (settlement), нес за него ответственность в случае возникновения необходимости в социальной помощи. Пауперу выдавался «сертификат оседлости» (settlement certificate) – своеобразный документ о «прописке», который в случае переезда на другое место жительства гарантировал, что «домашний» приход окажет ему поддержку. Такой закон принимался главным образом для того, чтобы пресечь миграцию бедняков в города, вызывавшую переполненность столичных приходов пауперами, и ограничить свободу передвижения по стране бродяг и нищих.⁶⁷

В 1697 г. Вильгельм III Оранский издал специальное распоряжение о ежегодных проверках материального состояния всех, получающих помощь, и «отсеивании» тех, кто уже в ней не нуждался.⁶⁸

Еще одним нововведением 1697 г. была *маркировка пауперов*, получавших пособие по бедности. Они обязывались носить крупную букву «Р» – «паупер» – красного или синего цвета, нашитую на правый рукав верхней одежды, чтобы «отличаться от ленивых, упрямых и нарушающих общественный порядок нищих».⁶⁹ Такая маркировка, отличая человека от «плохих» бродяг, в то же время, совершенно очевидно, «стигматизировала» его бедность – пусть даже «законную» – и юридически навязывала бедняку социальный стыд за свое положение.

Следующими поправками к закону 1601 г. стали постановления, которые дали начало юридическому включению в существовавшую систему социальной помощи института рабочих домов. Этими постановлениями были «*Акт о проверке рабочим домом*» (1723), который еще называют «Акт Нэтчбулля», и «*Акт о помощи бедным*» 1782 г. (или «Акт Гилберта»). Они предоставляли приходам право организовать рабочие дома, а также создавать «межприходские» рабочие дома и разделять, таким образом, ответственность за помощь бедным, объединив финансы. Однако закон оставлял местным магистратам право обеспечить трудоспособного взрослого паупера работой и без помещения его в рабочий дом. Поэтому некоторые округа и графства сопротивлялись нововведениям и предпочитали «по старинке» оказывать материальную помощь «своим местным бедным» или обеспечивать их временной работой.⁷⁰

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Webb S., Webb B. English Poor Law History: Part One, The Old Poor Law. Frank Cass and Co., L., 1929. P. 80, 95–106.

⁶⁷ Там же. С. 302.

⁶⁸ Slack P. The English Poor Law, 1531–1782., L., Macmillan., 1990. P. 55–56.

⁶⁹ Quigley W. Five Hundred Years of the English Poor Law 1349–1834: Regulating the Working and Non-working Poor: <http://www.uakron.edu/law/lawreview/v30/docs/quigley.pdf> (consulted 10/06/10). P. 20.

⁷⁰ Eden F. M. The State of the Poor. L., G. Rutledge and Sons Ltd., 1928. P. 52.

Итак, если в нескольких словах обобщить юридическую составляющую «старой» английской системы помощи бедным в том виде, в каком она сложилась к концу XVIII столетия, то выводы будут следующими. Под «старым законодательством о бедных», реформированном в 1834 году, подразумевался не один закон, а целая «коллекция» (больше пятидесяти) парламентских актов и королевских статутов, принятых в XVII–XVIII вв. Тремя основными столпами системы были:

- 1) приход как главная административная единица, ответственная за регулирование проблем с бедными, помощь «заслуживающим» бедным и наказание бродяг и попрошайек;
- 2) принцип помощи нуждающимся и неимущим за счет обязательных налоговых отчислений;
- 3) государственное конституирование категорий неимущих, «действительно» нуждающихся в социальной помощи.

Важно учитывать и то, что большая часть упомянутых законов – в особенности те из них, которые были приняты в XVIII в., – носили *разрешающий* характер, а значит, не были обязательны для исполнения по всей территории Англии.

Последние пять лет XVIII века были отмечены ростом открытого призрения по всей территории Англии, что стимулировалось серией последовательно принятых законодательных актов. Во многом это было связано с ухудшением экономической и политической ситуации в начале 90-х гг. XVIII века и, соответственно, необходимостью государственной поддержки уязвимых слоев с целью предотвращения социальных взрывов. В 1795 г. был принят «Акт о предупреждении высылки бедняков до того момента, когда они станут действительно обременительными». Этот закон вносил изменения в «Акт об оседлости» 1697 г., поощряя стремление трудоспособных бедняков к поиску более высокого заработка за пределами своего прихода и устраняя недостатки системы «оседлости-прописки» путем смягчения излишней строгости правил выселения.⁷¹

В том же году очередной «Акт о помощи бедным» легализовал прецедент, который впоследствии стали называть важной составляющей «старого законодательства» – так называемую «Спинхемлендскую систему». Это была система дотаций, с помощью которых в годы неурожая трудящимся беднякам компенсировали жалование до определенного «прожиточного минимума». В различных местностях Англии использовались разные методы компенсации заработка: пособия для работников, чье жалование было меньше установленного минимума, прямой «налог на трудоустройство», взимаемый с тех, кто отказывался нанимать безработных, устройство бедняков на общественные работы на гравийных карьерах или дорогах и т. д.

1794–1795 годы выдались в Англии особенно неурожайными, произошел скачок цен на хлеб и основные продовольственные товары. В этих условиях мировые судьи графства Беркшир собрались в мае 1795 г. в таверне «Пеликан» в местечке Спинхемленд с намерением установить новый минимум заработных плат на селе и тем самым уменьшить уровень сельской бедности. В итоге была выработана т. н. «спинхемлендская шкала», по которой каждый «бедный и усердный человек» получал от прихода определенную сумму денег как прибавку к жалованию. Шкала представляла собой таблицу, в которой учитывалось семейное положение бедняка, количество детей и действующая цена на хлеб. Если хлеб дорожал, прибавка увеличивалась. Примеру Спинхемленда вскоре последовала почти половина английских графств.

В некоторых других графствах в те же годы действовал иной принцип помощи беднякам, своеобразная альтернатива Спинхемленду – т. н. «*Раундсменская*» система. Трудоспособные пауперы этих графств, по приказу попечителя по призрению, собирались вместе и путешествовали от прихода к приходу, по фермам и фабрикам, где нанимались за ту минимальную заработную плату, которую им предлагали. Такая система на практике приводила к множественным

⁷¹ Ibid. P. 452–454.

конфликтам. Оплата труда часто казалась работникам слишком низкой, а фермеры, словами историка К. Джонс, «сопротивлялись приему на работу угрюмых и озлобленных мужиков». ⁷²

В принятии «спинхемлендской системы» важную роль сыграла позиция тогдашнего премьер-министра Англии Уильяма Питта-младшего, убежденного сторонника идеи «открытого» призрения. В 1797 г. Питт выступил с законодательной инициативой, предложив в парламент свой проект билля о помощи бедным, во многом перекликавшийся со «спинхемлендской системой». Суть его сводилась к установлению неких обязательных норм заработной платы для малообеспеченных слоев в кризисные периоды. Если, предлагал Питт, в годы кризиса или неурожая работодатель не может платить прежнюю заработную плату своим работникам, то он имеет право снизить ее до установленного законом минимума, но при этом разница с прежним уровнем заработка доплачивалась работнику из средств, собранных в виде налогов. Кроме этого, билль предполагал отдельный вид помощи многодетным семьям бедняков – дотации из государственной казны на содержание детей или иные оговоренные нужды, которые позволили бы семье содержать себя в дальнейшем, – например, на покупку одной коровы.

Несмотря на то, что предложенные Питтом меры в кризисных условиях можно было считать действительно «социальными», его предложение вызвало резкую критику, в том числе со стороны знаменитого мыслителя Иеремии Бентама, авторитетного в высших политических кругах человека и яростного защитника идеи работного дома. Показательно, что 11 февраля 1800 г., через три года после выдвижения билля, Питт-младший в своей парламентской речи заявил, что «снимает свой проект, который он до сих пор находил хорошим, из почтения к мнению тех, чьи мнения он должен уважать». ⁷³

Уильям Питт-младший может считаться последним английским министром, защищавшим «старую систему» и открытое призрение; после его ухода в отставку критика «старой системы» в общественно-политических кругах обострилась. При этом именно прецедент, созданный в Спинхемленде, стал приводиться в пример как главный аргумент в пользу «*порочности*» всего законодательства о бедных. Такой подход позднее получил название «*вигский нарратив*» – возможно, потому, что последовавшая вскоре реформа 1834 г. была проведена парламентским большинством, тогда еще определявшим себя как партию вигов.

Впрочем, в связи с этим у историка не может не возникнуть ряда вопросов. Насколько совпадал сконструированный *накануне* реформы и – во многом – *ради* реформы 1834 г. «вигский нарратив» с тем, что на самом деле представляло собой «старое законодательство о бедных»? Почему в общественно-политическом дискурсе страны, имеющей такие давние традиции помощи бедным, победило неприятие «*бедноцентристской*» системы? Как и в связи с чем менялись оценки природы и значения «старого законодательства» со временем?

Истоки «вигского нарратива», думается, следует искать в более ранних трудах английских мыслителей. Так, великий просветитель Джон Локк, состоявший в свое время в специальной Комиссии Министерства торговли, еще в 1696 г. подготовил отчет, в котором высказывался вполне определенно: «Приумножение бедных и рост налогов на их содержание – настолько популярная жалоба, что в этом не приходится сомневаться. Я убежден, что половина получающих помощь от прихода способны сами зарабатывать себе на жизнь». «Зло, – заключал Локк, – происходит не от недостатка продовольствия и безработицы среди бедных; ... рост бедноты, вероятнее всего, имеет иные причины; и последние – ни что иное как *отсутствие дисциплины и коррупция манер*...». ⁷⁴

⁷² Jones K. Op. cit. P. 6.

⁷³ The Speeches of the Right Honourable William Pitt in the House of Commons. Ed. W. S. Hathaway. In 4 vol. London, Longman. 1806.

⁷⁴ Quirk V. Op. cit. P. 9.

В том же русле располагались и аргументы тех мыслителей, которые пытались объяснить причины бедности в XVIII веке. Большинство из них основывались на принципе *личной обусловленности* бедности (люди сами виноваты в своей нищете) и считали, что выходом является отказ от дотаций бедным и ориентация последних на *самопомощь*.

Неправильно было бы утверждать, что «вигский нарратив» являлся в то время единственной точкой зрения на решение проблемы нищеты и социальной помощи. Принципиально иную трактовку пытались предложить У. Годвин, У. Хэзлитт, Ч. Холл, взгляды которых рассмотрены во второй главе книги. Однако в общественно-политических дискуссиях конца XVIII – начала XIX в. «вигский нарратив» просто не мог не одержать победу. Его аргументативная стратегия самым естественным образом накладывалась на дискурс и риторику эпохи.

В русле этой стратегии располагались и выводы специально созданной Королевской Комиссии по изучению законодательства о бедных, целью которой было оценить степень эффективности системы социальной помощи в стране.

Следует подчеркнуть, что 1815 г. закончилась изнурительная война с Францией, и во многом в силу этого британские законодатели были вынуждены вплотную заняться «накопившимися» внутренними проблемами – в частности, вновь вернуться к вопросу о совершенствовании законодательства о бедных. В 1817 г. был назначен первый «Избранный комитет палаты общин по законодательству о бедных». В него входили 40 человек, среди которых было много критиков «старой» системы, лоббировавших интересы крупных собственников. В 1832 г. была создана вышеуказанная «Королевская комиссия по изучению законодательства о бедных», которая, как указывают многие исследователи, с самого начала своей работы была пристрастна.

По словам историка М. Блога, члены комиссии «использовали живописные анекдоты и сознательно избранные факты, чтобы доказать оправданность своего предвзятого мнения о бедноте».⁷⁵ Летом 1832 г. комиссия направила в 15 тысяч приходов анкеты-опросники, сами вопросы в которых предполагали отрицательную оценку эффективности «старой системы». Ответы были получены лишь от 150 приходов (10 % опрошенных), но этого оказалось достаточно, чтобы в 1834 г. опубликовать обширный Отчет, послуживший главным юридическим основанием для реформирования всего «старого законодательства». Основная рекомендация отчета сводилась к тому, что, «за исключением медицинской помощи... всякая помощь трудоспособным персонam или их семьям, если она оказывается НЕ в хорошо регулируемых рабочих домах... должна быть признана незаконной и прекращена».⁷⁶

Комиссия признавала «порочность» всей старой системы законодательства о бедных, которая вредит и обществу, и самим беднякам, приучая их к лени и попрошайничеству. Авторы отчета основывались на принципе «личной обусловленности бедности», предполагавшем, что не экономические или социальные условия, а сам человек *лично виноват* в своей нужде вследствие моральных пороков – нечестности и нежелания трудиться. Кроме того, в отчете был силен акцент на «излишнее размножение» бедных.

Комиссия довольно упрощенно разделила «наблюдаемых ею бедняков» «на два класса». Те, кто получает помощь – это ленивые, грязные, зависимые и алчные пауперы. Те, кто не получает ее – это трудолюбивые, чистые и усердные бедняки.

Особой критике в отчете подверглась именно «спинхемлендская система», которая была названа «колыбелью зла» и «*универсальной системой пауперизма*».⁷⁷

⁷⁵ Blaug M. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // The Journal of Economic History, Vol. 23, No. 2 (Jun., 1963), pp. 151–184, 171.

⁷⁶ Abstract of the Answers and returns of the 1803–1804 Report into the Expences and Maintainance of the Poor // Catalogue of Parliamentary Reports, and a Breviate of their Contents, 1696–1834. L., 1834.

⁷⁷ См. Report from the Select Committee on the Poor Laws (1817), Report from the Select Committee on the Poor Laws (1819), Report from the Select Committee on Labourers' Wages (1824), Report from His Majesty's commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. London, B. Fellowes, 1834.

Аргументы были следующими:

- 1) Спинхемленд распространился практически на половине английской территории – значит, по сути, приобрел статус неписанного закона.
- 2) Спинхемленд позволял работодателям платить нанятым работникам максимально низкое жалование, ведь графство все равно оплачивало разницу с прожиточным минимумом. Заработная плата бедняков оставалась неизменной, росли лишь налоги на бедных, тяжким бременем ложившиеся на плечи фермеров – основных налогоплательщиков.
- 3) Нарушались «все прецеденты» помощи бедным, т. к. помощь оказывалась не только немощным, старикам или зависимым, но также и трудоспособным.
- 4) Сотни рассказов приходских священников указывали на аморальность и деградацию сельской бедноты.

Таким образом, заключали авторы отчета, в основе эффективной системы призрения бедных должны лежать не губительные «расслабляющие» дотации, а социальный стыд, страх перед законным наказанием и дисциплина. Помощь должна быть *как можно менее привлекательной и как можно более централизованной*.⁷⁸

Интересно, что, хотя основными авторами отчета считаются врач Эдвин Чэдвик и экономист Нассау Уильям Сениор, кроме них, над отчетом работали еще семь членов Комиссии, половина из которых были епископами торийской ориентации (епископ Лондона Бломсфелд, епископ Честера Самнер, преподобный Генри Бишоп, Уильям Стерджес Борн, Генри Гоулер, Уолтер Коулсон, Джеймс Трейл), исповедывавшие христианскую политическую экономию (так называемые «ноэтики»). В силу этого идеология «нового законодательства о бедных» накладывалась, по мнению ряда специалистов, не только на либеральные идеи, но и на христианско-торийские (консервативные) концепции.

В августе 1834 г. получил королевскую санкцию «*Акт о поправках и лучшей организации законов в отношении бедных в Англии и Уэльсе*», состоящий из 110 секций и более известный как «Новое законодательство о бедных» 1834 года. Акт этот, надо заметить, принимался в условиях забастовок, мятежей, выступлений луддитов в более чем 80 частях страны и был, соответственно, презентован как попытка ликвидации всех этих безобразий, якобы вызванных несовершенством существующей системы помощи бедным.

Согласно положениям нового закона, все вопросы социального призрения отныне подчинялись специально созданному центральному органу – «Комиссии по соблюдению нового законодательства». Комиссия уполномочивалась реорганизовать около 15 000 английских и уэльских приходов в «Союзы по законодательству о бедных» (Poor Law Unions), каждый из которых в *обязательном порядке* организовывал собственный рабочий дом. Так был воплощен первый из принципов реформы – *централизация* системы социального призрения. Вторым принцип – *непривлекательность* социальной помощи – воплощался в требованиях, предъявляемых к рабочему дому: «спартанские» условия, разделение мужчин, женщин и детей, рутинная тяжелая работа и скудная строгая диета.⁷⁹

Предвзятая позиция составителей закона 1834 г. делала заметной его «однобокость», которая проявилась очень быстро. Еще до вступления акта в силу началась его публичная критика: так, 30 апреля 1834 г. газета «Таймс» писала, что этот билль «заклеймит позором книгу Статутов». Сами приходские попечители многих графств Англии признавались, что крайне не желали бы полностью отказаться от дотаций бедным. Так, сохранившиеся приходские книги графства Оксфордшир свидетельствуют: попечители сообщали, что «не осмелятся отказаться

⁷⁸ S. G. and E. A. O, Checkland (eds). The poor law report of 1834. L., Penguin. 1974. 75–77.

⁷⁹ Higginbotham P. "The Workhouse" 2005 // <http://www.workhouses.org.uk/> (consulted 21/07/08).

от пособий нуждающимся, опасаясь насилия и мятежей». В приходе Пайртон мятежи были названы «бедствием худшим, чем война».⁸⁰

Будущий премьер-министр Англии, Бенджамин Дизраэли, будучи с 1837 г. членом парламента, в своих знаменитых речах в поддержку чартистов охарактеризовал новую систему помощи бедным язвительным термином *«brutitarianism»*, который можно перевести как «жестоколитаризм» – от слов «жестокость» и «утилитаризм» (именно эту концепцию он считал основой нового закона о бедных).⁸¹ Как следствие, уже в первые годы существования новой системы некоторые ее нововведения были отвергнуты как «нерабочие» и «непрактичные» местными властями, продолжавшими искать в новом законодательстве «лазейки» для осуществления помощи «своим» бедным на дому.

Итак, к середине XIX в., когда стали всплывать недостатки новой системы, появились попытки переосмысления «старого законодательства» и, соответственно, критика «вигского нарратива». Одной из первых таких попыток стала «левая», социалистическая трактовка старой системы социальной помощи. Связана она, в первую очередь, с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса; позднее, в конце XIX – начале XX века, она получила развитие в работах фабианских социалистов. С одной стороны, в трудах классиков марксизма налицо отрицательное отношение к «Елизаветинскому законодательству». Именно в «Капитале» Маркса появилось хлесткое название «Кровавое законодательство против экспроприированных», дававшее, по сути, характеристику той части «старого законодательства», которая касалась наказания «упорных» бродяг и попрошайек, – венцом этой части Маркс считал «Акт о наказании бродяг и упорных нищих» 1597 г., который «дал окончательную формулировку закона о бедняках и бродягах». Смысл критики Марксом репрессивной части английского «старого законодательства» заключался в том, что главными жертвами жестоких наказаний он считал *крестьян, согнанных с земель в результате огораживаний* и устремившихся за лучшей долей в города. По Марксу, эксплуатация крестьянства осуществлялась в новое время в Англии с двух сторон: посредством огораживаний и «старого законодательства». Поэтому он ни в коем случае не считал – да и не мог считать – «старую систему» «бедноцентристской», и в этом смысле, конечно же, расходился с «вигским нарративом». Но, с другой стороны, объектами критики Маркса были работные дома – основной столп «новой системы».⁸² Наконец, и он, и Энгельс положительно оценивали такой компонент старой системы, как помощь нуждающимся в виде налоговых отчислений. Энгельс в своем труде «Положение рабочего класса в Англии» (1845), подробно анализировавшем бедствия английских социальных низов, повествует о случае, когда полицейский магистрат, вопреки правилам, выдал «значительную сумму из кружки для сбора на бедных» жительнице местечка Спиталфилдз, сыновья которой «были арестованы за кражу из магазина и моментальное поглощение куска говядины». Магистрат отдал такое распоряжение, узнав, что муж женщины, в прошлом полицейский, погиб, и что она ютится с шестью детьми в тесной и грязной комнатенке, продав за еду все, вплоть до мебели и постельного белья. Энгельс восхищается поступком магистрата и приводит его в пример как доказательство нужности и даже обязательности отчислений в пользу бедных.⁸³

Следующий «виток» в оценке «старой системы» произошел в первой половине XX века. Выразитель этого подхода – знаменитый историк Дж. М. Тревельян, автор фундаментального труда «Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории». Он называл «старую систему» *«хорошим замыслом, приведшим к ужасным последствиям»*,

⁸⁰ Oldham C. R. Oxfordshire Poor Law Papers // The Economic History Review, Vol. 5, No. 1 (Oct., 1934). P. 89.

⁸¹ Quirk V. Lessons from the English Poor Laws. Refereed paper presented to the Australian Political Studies Association Conference, University of Newcastle, 25–27 September 2006. P. 10.

⁸² Маркс К. Капитал. Том 1. ООО «Издательство АСТ». М., 2001. С. 538–543.

⁸³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е второе. М., Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 265–277.

критикуя, как и его предшественники, в основном «моральную составляющую» и в основном «спинхемлендскую систему». «Фермер, – писал Тревелиян, – не спешил выплачивать должный минимум заработной платы, т. к. разница все равно возмещалась приходом, а рабочий поневоле попадал в категорию пауперов – даже если он был обеспечен работой, ... среди фермеров рос эгоизм, среди «пауперизированных батраков» росли праздность и преступления».⁸⁴ В то же время, Тревелиян отвергал аргументы экономистов первой половины XIX в. о том, что именно «спинхемлендская система» привела к увеличению числа бедных. Этот рост был связан, по его мнению, не с увеличением рождаемости, а со снижением смертности: «не глупым мировым судьям Спинхемленда, а хорошим врачам Великобритании обязана тем, что между 1801 и 1831 гг. население Англии, Уэльса и Шотландии выросло с 11 миллионов до 16, 5 миллионов человек».⁸⁵

В середине XX столетия появляется новая интерпретация «старой системы», которую можно смело назвать «ревизионистской», ибо представители ее впервые *действительно попытались* «сбросить с себя хомут вигского нарратива». Классической в этом смысле стала статья Марка Блога «Миф о старом законодательстве о бедных» (1963), в которой политики и экономисты XIX в. обвинялись в использовании Спинхемленда для «очернения» всей системы социальной помощи с целью создания необходимого настроя для реформы 1834 года.⁸⁶ Блог указывал, что достоверность любых нарративов снижается в силу отсутствия точных данных о расходах и функционировании децентрализованной системы, в которой решения принимались местным чиновничеством и духовенством: «Да, есть сведения о полном объеме расходов в более чем 15 000 приходов, с 1802 по 1834 гг., но мы не можем знать, как именно расходовались средства на социально уязвимые группы – стариков, немощных, бездомных детей, одиноких матерей... В ряде приходов сохранились детальные отчеты о расходовании средств, но все равно трудно восстановить, на каком основании конкретный человек получал шесть шиллингов в неделю... *морализаторская сказка* об угрожающих последствиях помощи бедным победила *перед* тем, как были собраны необходимые данные, и *до того*, как система «произвела свои угрожающие последствия»... Но этот нарратив повторялся в дискурсе – политиками, экономистами, духовенством, представителями Королевских комиссий и пр. так часто, что получил статус «абсолютной научной правды, основанной исключительно на естественном законе».⁸⁷

Вслед за Блогом к похожим выводам пришли Дж. П. Хьюзел и К.Д.М. Шнелль: согласно их аргументам, обнищание сельского населения было вызвано отнюдь не «старой системой», а, скорее, массовым перемещением промышленности на Север и деиндустриализацией на Юге страны, увеличением уровня сельскохозяйственной безработицы, упадком ремесла, экономическим спадом после 1815 г. и иными факторами. Социальная же помощь бедным, напротив, защищала сельскую бедноту от безработицы и потери альтернативных источников заработка.

Практически одновременно с появлением «ревизионистского нарратива», в 40-е гг. прошлого века, знаменитый социолог Карл Поланьи – в своей не менее знаменитой и ставшей классической работе «Великая трансформация» – вновь обращается к нарративу «вигскому», причем как к *основе* понимания истории становления социальной политики, посвящая отдельную одноименную главу Спинхемленду.

«Утверждая, что изучение Спинхемленда означает анализ истоков цивилизации XIX в., – пишет Поланьи, – мы имеем в виду не только его экономические и социальные последствия и даже не определяющее влияние, которое оказали эти последствия на современную политиче-

⁸⁴ Тревелиян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, «Русич», 2002. С. 496–497.

⁸⁵ Там же. С. 498.

⁸⁶ Blaug M. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New//*The Journal of Economic History*, Vol. 23, № 2 (June, 1963). P. 151–184.

⁸⁷ Ibid. P. 182.

скую историю, но тот, как правило, неизвестный нашему поколению факт, что *все наше социальное сознание формировалось по модели, заданной Спинхемлендом*.⁸⁸

Так происходит второе рождение «вигского нарратива», который, судя по материалам специальной интернет-конференции, проведенной в 2004 г. и посвященной юбилею выхода в свет «Великой трансформации», продолжает оказывать существенное влияние на социологическую мысль и – более того – берется за основу рекомендаций в отношении социальной политики в современной России. Так, Т.Ю. Сидорина пишет: «Поставленный в центр рассмотрения 7-й главы «Великой трансформации» закон Спинхемленда в реальности вводил право существовать не работая как систему, как практику, причем называя эту практику «правом на жизнь». Безусловно, в основе закона – требование обязательной работы, доплата полагалась лишь работающим. Но как мы знаем, последствия Спинхемленда оказались столь плачевными, что *иначе как развращающим этот Закон нельзя и назвать*. Люди получили реальную возможность не работать... И при новом режиме, режиме «экономического человека», никто не стал бы работать за плату, если он мог обеспечить себе средства к существованию, ничего не делая».⁸⁹ Такой же точки зрения придерживается Р.А. Школлер, который, вслед за Поланьи трактуя Спинхемленд как своего рода «право на жизнь» по принципу дополняющей субсидии», утверждает, что он препятствовал формированию рынка труда в Англии. При всей антигуманности системы рабочих домов, считает Школлер, именно Акт 1834 г. создал предпосылки образования национального рынка труда.⁹⁰

Очевидно, что оценки «старой системы», существующие в сегодняшнем научном дискурсе, до сих пор во многом балансируют между «вигским нарративом» и ревизионизмом. И все же в современной историографии преобладают попытки более взвешенного подхода к оценке «старого законодательства», – освобожденного от мифологий и нарративов, сконструированных два столетия назад. Одну из таких попыток представляет собой исследование Ф. Блока и М. Сомерс, основная мысль которых сводится к тому, что «спинхемлендский эпизод сам по себе не мог привести к последствиям, которые ему приписывают». «Старая система», считают Блок и Сомерс, законодательно закрепляла обязанность, на местном уровне, участвовать в судьбах тех, кто попал в нужду в результате болезни, уродства, распада семьи или временной безработицы. «В то же время, – пишут они, – в действительности в применении на практике этого законодательства в различных графствах и приходах наблюдались значительные расхождения, т. к. последние экспериментировали с использованием различных стратегий и политик, предназначенных для того, чтобы помочь бедным, защитить их, сохранив при этом стимулы к труду. Значение «старой системы» авторам видится и в том, что «репертуар социальной помощи», который до сих пор обсуждают современные политики, «немногим отличается от перечня мер, применявшихся в Англии в XVII–XVIII вв». Это минимальный гарантированный доход, страхование на случай сезонной безработицы (в зимние месяцы ряд графств предоставлял сельскохозяйственным рабочим еженедельные дотации в зависимости от размера семьи), общественные работы и рабочие дома, субсидии работодателям (в ряде приходов фермерам, нанимавшим безработных, доплачивали из фонда, собранного из налогов), стимулирование трудовой деятельности (иногда налог на бедных заменяли насильственным распределением определенного количества безработных), дотации на детей (тем сельскохозяйствен-

⁸⁸ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., Алетейя. 2002. Гл. 7.

⁸⁹ Сидорина Т.Ю. Мифологемы человеческого существования и формирование социальной политики в XIX–XX вв.: К. Поланьи и Л. фон Мизес // Материалы Интернет-конференции «60-летие выхода в свет «Великой трансформации» Карла Поланьи: уроки для России/ [http.: www. Ecsocman.edu.ru/db/msg/176965.html](http://www.Ecsocman.edu.ru/db/msg/176965.html).

⁹⁰ Школлер Р.А. Чем закон Спинхемленда препятствовал формированию рынка труда в Англии? // Материалы научной конференции 60-летие выхода в свет «Великой трансформации» Карла Поланьи: уроки для России/ [http.: www. Ecsocman.edu.ru/db/msg/176965.html](http://www.Ecsocman.edu.ru/db/msg/176965.html).

ным работникам, у которых было 2–3 несовершеннолетних ребенка и более, доплачивалась определенная сумма к жалованью).⁹¹

Историк медицины Саманта Уильямс, рассуждая в близком ключе, на основе анализа приходских архивов утверждает, что к началу XIX в. примерно в трех четвертях приходов Юго-востока Англии существовал «аналог обязательного медицинского страхования» – практиковались контракты, заключаемые между хирургом-фармацевтом (обычная для того времени квалификация врача) и приходом и обязывающие врача оказывать бесплатную медицинскую помощь беднякам. Эти контракты, по данным Уильямс, практически полностью вытеснили метод, когда врач выписывал пациенту счет за определенную услугу, а приход его оплачивал. Более того, медицинский рынок благодаря такого рода «страховым полисам» стал конкурентным, и врачи стремились заключить подобный контракт, чтобы вытеснить своих соперников.⁹²

Пол Слэк, бывший редактор журнала «Past and Present», автор книг «Бедность и политика в Тюдоровской и Стюартовской Англии» и «Английское законодательство о бедных в 1531–1782 гг.»,⁹³ вообще отказывается признавать термины «старое законодательство» и «старая система». Это было, как он считает, скорее «неровное и локальное» регулирование проблем с бедными, «находившее выражение в тысячах тщательно фиксируемых небольших еженедельных выплатах, которые в сумме своей выливались в достаточно обширный трансфер денежных средств от богатых к бедным, ... но которые не удалось объединить «в целиком безличностную дисциплинарную машину». Слэк отмечает, с одной стороны, позитивное влияние системы на сознание тех, кто платил налог на бедных: «Для половины домовладельцев сам по себе факт уплаты налога делал их членами респектабельного сообщества и *отгораживал от нищих и нарушителей порядка* ... Машина социального обеспечения давала плательщикам этого налога *чувство групповой идентичности* и осознание социального превосходства, по мере того как она конструировала четко очерченную категорию зависимых бедных». С другой стороны, он признает, что в XVIII в. затраты на содержание бедных действительно выросли – «как в реальных цифрах, так и в восприятии налогоплательщиков и законодателей», – и система выглядела неадекватной в новых экономических условиях. Вывод Слэка в целом ближе к ревизионистской трактовке. «Английское «старое законодательство», – пишет он, – громче лаяло, нежели кусало. Оно служило ряду целей: установлению более строгого социального контроля, облегчению участи части населения и демонстрации щедрости власти, ее милосердия». Еще один вывод автора затрагивает т. н. «европейский контекст» проблемы. Несмотря на «бессистемность», английская «система» была, по мнению ученого, более эффективной, чем подобные институты в других странах.⁹⁴

Следует отметить, что отдельную группу современных исследований представляют работы, анализирующие английское «старое законодательство» в европейском контексте, при изучении истории других стран. Так, Т. Смит в опубликованной недавно статье «Идеология милосердия, образ английского законодательства о бедных и дебаты о праве на вспомоществование во Франции, 1830–1905 гг.» указывает на то, что во Франции дискуссия о социальной помощи долгое время определялись «заграничным примером» Англии. «Французская боязнь любого рода социальных программ, – пишет Смит, – имела в своей основе испорченный образ английского законодательства о бедных». Он анализирует аргументы французских политиков,

⁹¹ Block F., Somers M. In the Shadow of Speenhamland: Social Policy and the Old Poor Law// Politics and Society. Vol. 3, # 10. Sage Publications, 2003. P. 11–12, 32.

⁹² Williams S. Practitioners' Income and Provision for the Poor. Parish Doctors in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // Social History of Medicine. 2005. # 18 (2). P. 159–186.

⁹³ Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., Oxford, 1993. 246 p.; Slack P. The English Poor Law, 1531–1782. New Studies in Economic and Social History. Cambridge University Press, 1995.

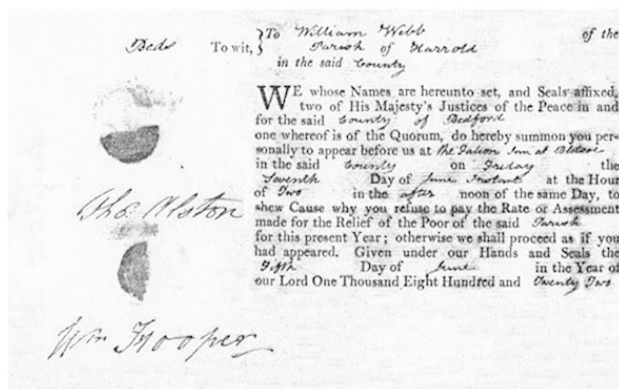
⁹⁴ Slack P. Poverty and Policy... P. 205–208.

которые во второй половине XIX в. выступали против социальных дотаций и бесплатной медицинской помощи беднякам, и приходит к выводу, что они «использовали негативный образ английского законодательства о бедных, организовав тщательно инструментированную и дезинформирующую пропагандистскую кампанию». ⁹⁵

В русле компаративного подхода располагается и фундаментальный труд П. ЛиндERTA, изучавшего и сравнивавшего социальные затраты в европейских государствах с XVIII века по настоящее время. Согласно его выводам, объем государственных затрат на социальную помощь к концу XVIII столетия превышал 1 % национального дохода только в Нидерландах, Англии и Уэльсе. К 1820 же годам Англия и Уэльс, по мнению ЛиндERTA, становятся мировыми центрами социальной помощи – как фактически (2, 66 % от национального дохода), так и в публичных дебатах. ⁹⁶

Исследователи продолжают спорить о том, когда началась трансформация «старой системы» и можно ли считать реформу 1834 г. «водоразделом», разделившим историю британской социальной политики на два разных мира – «до» и «после». Вдумчивое сопоставление двух систем законодательства о бедных показывает, что «новое законодательство» не было коренной ломкой старого. Действительно, элементы «новой» системы проявлялись в законодательстве уже с первой половины XVIII в. К тому времени уже был узаконен институт рабочих домов, культивирован принудительный труд как средство «исправления», введена маркировка пауперов как средство «стигматизации» бедности и формирования социального стыда за нее и даже, по «Акту Гилберта», сделан шаг в сторону централизации общественного призрения. С другой стороны, многие институты и установления «старой системы» продолжали существовать и после 1834 г., а последние положения «Елизаветинского законодательства» были отменены только в 1967 г. Поэтому XVIII – первую половину XIX в. можно считать переходным периодом, сочетавшим в себе черты «старой» и «новой» систем социальной помощи.

Уведомление о необходимости уплаты налога на бедных, начало XIX в.

Перевод

На имя Уильяма Вебба, приход Хэрролд, в указанном графстве. Мы, чьи имена здесь указаны и скреплены печатями, два мировых судьи Его Величества в графстве Бедфорд, призываем этой бумагой Вас явиться перед нами лично... в пятницу в два часа дня для предоставления объяснения, почему Вы отказываетесь платить налог на помощь бедным в указанном

⁹⁵ Smith T. The ideology of charity, the image of the English Poor Law and debates over the right to assistance in France, 1830–1905. // http://journals.cambridge.org/article_S0018246X97007553.

⁹⁶ Lindert P. H. Growing Public. Social Spending and Economic Growth since the 18th century. Vol. I. The Story. Camb., 2004. 377 p. P. 8.

приходе за прошедший год; в случае неявки мы будем действовать так, будто Вы появились, но не объяснились. Написано нами и скреплено печатями в пятый день июня в год от Рождества Христова одна тысяча восемьсот двадцать второй.

Документ о прописке паупера (Settlement Certificate)

Перевод:

Мы, (перечисление имен и фамилий),

Церковные старосты и попечители о бедных прихода в графстве, располагаем в нашем попечении и знаем,

Что (имя мужчины) и его жена (имя женщины) являются жителями, легально поселенными в приходе (название).

Мы заверяем это подписями и печатями (далее – даты)

«Новое как изменённое старое»: работные дома в истории английской социальной политики

Многие английские законы о социальной поддержке, как и институты помощи бедным, в разное время зародившиеся в Англии, становились примерами для других европейских государств. Среди таких институтов особое место принадлежит *работным домам*, которые сами британцы считают пятном на своей исторической репутации и причисляют к т. н. «музеям совести» – то есть местам, напоминающим о вопиющих нарушениях прав человека в мировой истории.⁹⁷ Своеобразной иллюстрацией этого «стыда» англичан за существование в их национальном прошлом работных домов можно считать, к примеру, тот факт, что Национальная служба здравоохранения Соединенного Королевства в первые пятьдесят лет своего функционирования с 1947 года указывала на нежелание пациентов госпитализироваться в ряд определенных больниц. Так происходило потому, что непопулярные учреждения здравоохранения в прошлом были работными домами. У англичан, даже по истечении многих лет после завершения эры работных домов и реконструкции этих зданий, ассоциация с ними пробуждала чувства стигматизации и стыда.

Нарукавная нашивка паупера, начало XIX в.: аббревиатура включает название прихода (Андовер) и первую букву в слове «паупер»

Интересно, что в России работные дома вообще не становились объектом отдельного исследования (за исключением, пожалуй, ряда публикаций о знаменитом Московском работном доме конца XIX – начала XX вв.) и известны широкой аудитории в первую очередь как цитадели жестокости и бесчеловечности, мрачная картина которых нарисована, к примеру, в знаменитом романе Чарльза Диккенса «Оливер Твист».

Работный дом традиционно считается символом «Нового законодательства о бедных», символом новой эры в социальной политике Англии, ознаменованной реформой 1834 года. Между тем, история этого «британского изобретения» не столь однозначна, ее хронологические рамки не ограничиваются XIX веком, закрепившим за работным домом репутацию тюрьмы, и изначально внедрение работных домов в систему мер по борьбе с нищетой и безработицей среди трудоспособного населения не ставило карательных целей.

Можно сказать, что предпосылки появления работных домов в Британии были заложены «Актом об учреждении мест для размещения нуждающихся классов», принятым в 1564 г. Согласно этому документу, приходские чиновники получили право учреждать места, «удобные для размещения и пребывания трудоспособных нищих». Как бы в дополнение к этому закону в 1576 году увидел свет «Акт о принуждении бедняков к работе». Наконец, знаменитый «Елизаветинский закон о бедных» 1601 г. разрешал помогать людям без собственности, профессии и

⁹⁷ См. Международная коалиция мемориальных музеев совести // <http://www.sitesofconscience.org/sites-ru/ru/-consulted> 20/06/08.

средств к существованию, если те *отработают* получаемую помощь на благо прихода. Думается, что именно эти три акта и дали начало институционализации работных домов в Англии.

Новый для Британии вид учреждений постепенно оформлялся в течение XVII столетия. Он отличался и от «домов призрения», куда помещались старики, больные, немощные, и от «домов исправления», предназначенных для ареста бродяг, тунеядцев и нарушителей спокойствия и принуждения их к «тяжелому труду» с целью «дисциплинирования и возможного исправления».⁹⁸

Часто работные дома XVII века имели форму «рассеянных мануфактур», в рамках которых нищие трудились на дому под контролем местных купцов. Но примерно с 1630 года в отдельных местностях Англии и Уэльса стали строить специальные здания, в которых хранились материальные запасы прихода и работали пауперы. Первые работные дома такого типа были основаны в городах Абингтоне и Эксетере в 1631 и 1652 гг., соответственно.

В 1696–1697 гг. преуспевающий бристольский предприниматель Джон Кэррей попытался извлечь из идеи работного дома экономическую выгоду. Он основал небезызвестную «Бристольскую Корпорацию бедных», где нуждающиеся могли получить и отработать денежную помощь. Своими целями Кэррей провозглашал «выравнивание налогов на бедных в пределах городского округа, борьбу с ленью и вовлечение нищих обоих полов и всех возрастов в работу». Многие исследователи называют работный дом Кэррея «просвещенной версией» учреждения для помощи бедным – в нём был госпиталь для неимущих, рожениц, приюты для сумасшедших и для беспризорных детей. После нескольких лет функционирования работного дома Кэррей представил парламенту письменный отчет, в котором говорилось: «Это произвело должный эффект, на улицах не видно ни одного попрошайки или бродяги, а помощь нищим оказывается в нужном месте и в должном объеме».⁹⁹ Пример Кэррея вдохновил многих состоятельных англичан, задумавших использовать труд пауперов с выгодой для себя. По «бристольскому образцу» были основаны подобные учреждения в Уорсестере, Халле, Эксетере, Плимуте, Норвиче.

Интерес энтузиастов подогревало и то обстоятельство, что большие надежды на работные дома открыто возлагал Вильгельм III Оранский, король Англии и Шотландии в 1688–1702 гг. «Работные дома, – говорил монарх, выступая в парламенте в 1698 г., – под добродетельным и должным руководством, решат *все вопросы милосердия в отношении бедных* – как их душ, так и их тел. Они могут стать отличным питомником для взращивания религиозности, добродетели и трудолюбия».¹⁰⁰

В конце XVII века в английский парламент посыпались «коммерческие предложения» о создании акционерных обществ, основой хозяйственной деятельности которых объявлялась организация работы пауперов с целью получения прибыли. Некоторые предложения получали поддержку. Например, в длительном и успешном «пауперном» бизнесе филантропа Томаса Термина были задействованы, в общей сложности, 1700 человек.¹⁰¹

Однако, к сожалению для предпринимателей, труд пауперов не был настолько доходен, чтобы покрывать их расходы. Поэтому в течение XVIII в, по словам исследователя В. Куирка, работные дома «входили и выходили из моды во многих графствах – в зависимости от смены материальных обстоятельств в приходе или администрации»¹⁰².

В 1723 г. был принят «Акт о проверке работным домом», который еще называют «Акт Нэтчбуля» по фамилии тогдашнего главы министерства. Смысл документа заключался в том,

⁹⁸ Leonard E. M. The History of the English Poor Relief. L., Frank Cass and Co Ltd., 1965. P. 226.

⁹⁹ Ibid., P. 353.

¹⁰⁰ Nicholls G. A History of the English Poor Law. in 3 vols. Vol. I, L., 1898. P. 125.

¹⁰¹ Quirk V. Lessons from the English Poor Laws. Refereed paper presented to the Australian Political Studies Association Conference, University of Newcastle, 25–27 September 2006. P. 10.

¹⁰² Quirk V. Lessons from the English Poor Laws. Refereed paper presented to the Australian Political Studies Association Conference, University of Newcastle, 25–27 September 2006. P. 10.

что приходы получили право выбора – осуществлять помощь бедным в форме выплат или организовать *работный дом*, куда пауперы, нуждавшиеся в помощи, помещались в обязательном порядке на определенное время «на проверку». Они получали там пищу и одежду, но взамен выполняли разного рода работы. Можно сказать, что это постановление дало начало юридическому включению института рабочих домов в государственную систему социальной помощи.

Зачастую рабочий дом XVIII века выглядел как пространство для обитания под одной крышей больных, стариков, беспризорников, которые жили вместе и периодически «принуждались к работе» – настолько периодически, что рабочие дома того времени порой иронически именовались «*дворцами для пауперов*».

Вот как характеризовал рабочий дом в Бабингтоне (небольшой город в графстве Сомерсет) сэр Ф.М. Иден, автор фундаментального труда «Положение бедных», посетивший учреждение в 1797 году: «Рабочий дом был старым зданием, изначально не предназначенным для своей цели. Однако он оказался в хорошем состоянии, поддерживался в чистоте, все помещения регулярно проветривались. В недельный рацион входило: хлеб и бульон на завтрак по воскресеньям, средам и пятницам: в остальные дни – овсянка на молоке. Обед по воскресеньям, средам и пятницам – хлеб, бульон, мясо, помидоры. В понедельник – запеченные пудинги с густым соусом, вторник, четверг, суббота – хлеб с молоком. На ужин каждый день – каша и хлеб. В комнатах – от двух до 7 кроватей. Кровати с подушками имеют 2 простыни, одно одеяло, 1 покрывало. Всего в этом рабочем доме проживают 28 человек, из них 12 – дети в возрасте до 7 лет. Детей содержат в чистоте, с ними занимаются чтением и катехизисом. Тех, кто способен работать, – немного, они прядут пряжу..., получая за 7 дюймов пряжи один пенни. Налоги прошлой зимой собрали 60 фунтов, на них купили уголь, говядину и картофель. Едят овсяные лепешки, никакого пива или сыра, только в Рождество. Водяная каша – основа меню. Это маленькая пропорция овсяной муки, сваренная на воде с небольшой луковицей; впрочем, такая каша – пища обычного приходского населения (иногда заменяющая все три приема) в период неурожая. Среди тех бедняков, кто не получает помощи от прихода, ежегодно распределяется небольшая сумма в 45 фунтов 10 шиллингов на всех».¹⁰³

Были, по данным Идена, рабочие дома с лучшими, чем в Бабингтоне, условиями. В качестве примеров таких учреждений он приводит рабочие дома в Хертфорде, Вэри, Ланкастере, Нортэмптоне, Ливерпуле и т. д. Там, пишет Иден, «бедные живут хорошо и комфортно, под руководством очень *правильных* людей». То есть, по его мнению, многое в рабочем доме зависело от управляющего, от которого требовалось «доброжелательное и *доброе* руководство». Обращает на себя внимание то, что Иден не считал единственным требованием к управляющему его административные навыки; кроме них, по его убеждению, должны были присутствовать человеческие качества и способность симпатизировать бедным.¹⁰⁴

Итак, условия проживания в рабочих домах XVIII в. были вполне сносными, число постояльцев – небольшим, а сами заведения действительно напоминали «дома». Однако в ряде учреждений такого типа условия содержания бедняков были, наоборот, гораздо хуже. Тот же Иден приводит свидетельства антисанитарии, отсутствия кроватей, одеял и простыней в спальнях. Впрочем, по мнению автора, в антисанитарии зачастую были виноваты сами обитатели: например, там, где разрешалось выносить еду из общей столовой в спальни, бедняки хранили ее без соблюдения надлежащих условий, или же продавали за пределами рабочего дома, а иногда обменивали на пиво или крепкий алкоголь.¹⁰⁵

¹⁰³ Eden F. M. The State of the Poor (in 3 books). London, G. Rutledge and Sons Ltd. 1928 P. 247.

¹⁰⁴ Ibid. P. 219.

¹⁰⁵ Ibid. P. 360.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.